

• ЕВГЕНИЯ
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

ПРОКЛЯТИЕ
ЧЁРНОГО
ЕДИНОРОГА

Young Adult. Легенды междумирий

Евгения Преображенская
Проклятие чёрного единорога

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Преображенская Е.

Проклятие чёрного единорога / Е. Преображенская — «Эксмо»,
2023 — (Young Adult. Легенды междумирий)

ISBN 978-5-04-185762-2

Дженна – узница мира, находящегося под куполом. В нем нет ни солнца, ни неба. Здесь забыли, что такое мечты, дружба и любовь. Благодаря силе своего воображения девушка придумывает сказочные вселенные и спасается в них от суровой реальности. В одной из таких вселенных рыцарь убивает проклятого черного единорога, ведь, согласно легенде, этот зверь смертельно опасен. Но действительно ли он несет погибель? Как только все окажется во власти ночи и сказка сольется с реальностью, сумеречные тропы приведут Дженну в страну вечного лета – Энсолорадо. Там она встретит ведьмака Летодора, попадет в тайную обитель духов и станет охотницей из клана Сумеречных лис. Теперь ей предстоит уберечь единорога от меча рыцаря в мире, полном магии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185762-2

© Преображенская Е., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Первая картина	6
ИНТЕРЛЮДИЯ	6
Пролог. Ход королевы	7
1. Последний единорог	10
2. Давным-давно	14
3. Договор	17
4. Да здравствует королева	21
5. Путь	25
6. Страна вечного лета	29
7. Странник	32
8. Выбор	38
9. Пробуждение	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгения Преображенская

Проклятие черного единорога

Иллюстрации Е. Преображенской

© Евгения Преображенская, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Первая картина Волшебный мир

ИНТЕРЛЮДИЯ

Единый Предвечный Источник Жизни есть всему отец и всему мать. Он образ и мелодия, строитель и нерушимая основа миров. Он искра, породившая пламя, и пища для развития живой души.

Нижние пласты демонических миров, срединные и божественные царства омываются изначальными водами Единого Источника, как древо наполняется соками от корней и до самой кроны. Любое явление, каждое существо пропитано этой силой, лишь в разном ее качестве.

Словно родительский взор, полный любви к своему детищу, ласкают изначальные воды все то, что покрывают собой, что наполняют и частью чего являются Сами.

Однако в бесконечной жажде расширения появились вселенные столь далекие от Источника, что даже любящий взгляд Его был не в силах достичь их. Что же души, воплощенные в этих мирах?

Они подобны растениям, заброшенным в бескрайние пески и вечную ночь. Здесь каждое живое создание вынуждено искать для себя пищу либо погибнуть. И, найдя эту пищу, оно видоизменяется под стать ей...

Пролог. Ход королевы

Облака за высокими окнами замка налились болезненной чернотой. По небу пробежали алые отблески. Загрохотало. Опалив пики гор, закатные краски отразились в бледно-зеленых глазах женщины. Сидящая за письменным столом, она замерла, будто завороченная, глядя на бушующую стихию.

На одно драгоценное мгновение женщина позволила себе погрузиться в прошлое: вспомнить то время, когда магия, что теперь сотрясала сферу их мира, служила созиданию. На самую крохотную долю мига ей представился лес, где трава была нежнее шелка, поляна, поросшая синими васильками и красными маками, а посреди поляны – большой бревенчатый дом. Их дом, где они так любили друг друга.

Но прошлое осталось в прошлом. А будущее, далекое будущее, приближалось с неотвратимой быстротой. Приведенное в действие заклятие набирало силу. Следовало поторопиться и чародейке.

Время – слишком старый зверь, чтобы любить шалости. Оно не станет ждать – привычно сомкнет невидимые челюсти. И как знать, по какую сторону окажется замешкавшийся игрок: здесь, там или... посредине, разорванный клыками? В библиотеке, стоящей у перекрестка миров, были возможны любые варианты, в том числе и те, которые нельзя себе даже представить.

– В недоброе время ты покидаешь нас, Джива... – донесся с порога библиотеки тихий мужской голос.

– Время не бывает добрым или злым, – не оборачиваясь, ответила девушка.

– Я слышал, вопреки нашим традициям и закону Совет все же дал тебе разрешение уйти, – напряженно вымолвил незванный гость. – Но я прошу, подумай еще раз... Твои эксперименты со временем слишком опасны и, как знать, не безнадежны ли? Ты нужна здесь... Ты нужна мне... Опомнись, пока не поздно, хранительница!

– Поздно, уже поздно, – грустно улыбнулась Джива. – В этом мире мне нечего хранить... Я отреклась от своего предназначения, от традиций и закона ради более важной задачи. Отныне мой долг – исследовать.

Голос мужчины, некогда такой родной, уже не волновал ее сердце, как это было раньше. Но, когда исследовательница взглянула на картину, которая висела над письменным столом, в груди у нее защемило. Сколько счастья им было дано... когда-то.

Ее родители, изображенные на портрете, улыбались. У женщины волосы были цвета ночной синевы; у мужчины – белые, точно снег; а у трех дочерей, которых любовно обнимали мать и отец, переливались белым, рыжим и золотым огнем.

– Мы не пустили Врага в этот мир, но его появление стало важным знаком, – добавила исследовательница. – Я предвижу, что бой с ним не закончен...

Мужчина приблизился к ней, сжав кулаки.

– Моя королева Джива – горда и непреклонна, как всегда, – с неприкрытой горечью бросил он. – Я изучил исследования, которые ты предоставила Совету хранителей. Это лишь предположения. Обрывки текстов, что вы с Белой отыскиали, – пустые слова...

– Пустые слова о Творце, об Источнике Силы, найденные в мире, не помнящем даже о богах – это чудо, – тихо ответила Джива. – Душа, написавшая их, может знать и другие ответы.

– Это просто буквы на бумаге! – разозлился мужчина. – И все же ты отрекаешься от предназначения, данного тебе по рождению! Ради чего? Чтобы исследовать один из умирающих миров и его жалкое население – людей?

– «Они подобны растениям, заброшенным в бескрайние пески и вечную ночь, – ответила королева словами из найденной рукописи. – Здесь каждое живое создание вынуждено

искать для себя пищу либо погибнуть. И, найдя эту пищу, оно видоизменяется под стать ей... Ни старшие и ни средние расы, ни устрашающие демоны, ни даже всесильные боги не могут выжить вдали от Единого Источника, – повторила она заученные наизусть слова. – В этой бесплодной пустыне способны существовать лишь люди». Неужели тебе неинтересно, почему?..

– «Не слыша мелодии Единого Источника, люди замкнулись в узких границах своего восприятия, – зло процитировал в ответ мужчина. – Они стали способны к изучению лишь материальной грани бытия. Не ведая истинной любви, они превознесли свой разум как наивысшую ценность! Не зная богов и других форм жизни, они возомнили себя венцом эволюции, а свои первичные потребности поставили во главу, – он понизил голос. – Гордыня, рожденная видовым и чувственным однообразием, поразила их души самой опасной болезнью из всех. И проклятие смерти пронеслось по планете, подобно буре».

– «Но среди бесплодных песков порой рождаются цветы дивной красоты – необычайные личности! – парировала Джива. – Чем ближе их сфера подходила к гибельному порогу, тем реже расцветали они, но тем ярче проявлялся их дар...»

– И какой тебе прок от их дара? – прорычал мужчина. – Ради чего ты готова покинуть свой дом, своих родных и прервать род хранителей, наш род?

При этих словах женщина резко обернулась, взглянув в лицо собеседника. Его глаза, как и ее, полыхали бледным зеленым огнем. Глаза – вот и все, что осталось от прежнего облика. Звериная гримаса исказила его некогда красивые черты лица.

– Наш род, – повторила Джива. – Наш род уже прерван. Та душа, что дала мне жизнь и должна была стать моей дочерью, покинула нашу вселенную... Она и многие другие дети нашего мира пропали или ушли в поисках ответов. И я, – в ее негромком голосе сквозила холодная ярость, – не имея возможности продолжить наш род, продолжу их дело. Я использую силу их дара, найду оружие против Врага! – Повисла напряженная тишина. – Разговор окончен. Прощай... мой король Зарон.

Не дожидаясь ответа и более не обращая внимания на супруга, Джива вернулась к тексту, в «пустых словах» которого нашла единственную надежду.

Зарон исчез, не сказав ни слова. Его грозное волшебство вновь сотрясло и небеса, и твердь земную. На этот раз гроыхнуло так близко, что стены библиотеки дрогнули. Если бы не древесные корни, густой сетью опутавшие замок снаружи, он мог бы, пожалуй, и вовсе рассыпаться.

От удара жалобно звякнули стрелки напольных часов. Их маятник закачался из стороны в сторону, будто желая ускорить и без того неотвратимый ход времени. Несколько свитков, подпрыгнув, упали со стола на пол. Джива нагнулась, чтобы поднять рукописи, попутно пробежав по ним глазами.

«Люди... Что же питает их дух и поддерживает силы? Что зажигает огонь в их сердцах и вдохновляет умы? Каково предназначение человека в великом замысле Создателя? И могут ли ответы на эти вопросы помочь в борьбе с нашим общим Врагом?»

Бывшая хранительница отложила свитки, оставив в руках один. Его она утаила от Совета. Если бы ее братья и сестры узнали о судьбе, что постигла автора рукописей, они никогда бы не позволили ей уйти следом за ним.

«По той же причине, что боги и демоны не способны выжить в пустынных, лишенных силы вселенных, закрыты их двери и для нас, – было начертано на нем неровным торопливым почерком. – Лишь один из миров пустил нас внутрь. Почему именно он? Нам уже не узнать. Здесь нет неба... Здесь нет солнца...»

Джива поднесла бумагу к свече, а когда пламя охватило звенящие отчаянием строки, небрежно бросила догорать на каменные плиты пола.

Ее предшественники допустили ошибку, следуя прямым путем. Но была и иная дорога. Сокрытая даже от тех, чьим крыльям подвластны туманы междумирий. Она оказалась доступна любому созданию, которое способно мыслить. И мечтать.

Королева Джива нашла этот путь. И первая ступившая на него помощница Белая уже ждала на другом конце. Теперь если они не сумеют использовать дар людей, то хотя бы помогут вернуться исследователям. Пусть для этого и придется пожертвовать собой.

1. Последний единорог

Случается, что единороги меняют окрас с жемчужно-белого на пепельно-черный. Проявляется он как седина у людей: кто-то седеет постепенно, другой – внезапно и скоротечно.

Однако имеется в этом явлении один пренеприятный момент: черные единороги представляют собой смертельную угрозу. Держаться от этих зверей нужно как можно дальше всем без исключения, будь то невинная дева, рыцарь без страха и упрека или случайный путник.

Век единорогов так долгов, что ходят легенды, будто сами собой они умереть не способны, но погибают от ужасающего страдания – такого сильного горя, в котором любое создание Единого не может поддерживать в себе силы жизни. Вместо животворящего света обреченный единорог начинает излучать силу смерти, заражая этой страшной хворью и все вокруг.

Если таковое явление происходит в плодородной долине, она мгновенно превращается в пустыню, озера – в болота, леса загнивают на корню, животные засыпают вечным сном.

Человек храбрый и благородный может противостоять проклятию черного единорога, но лишь непродолжительное время. И это время настоятельно рекомендуют использовать для того, чтобы покончить с мучениями несчастного зверя. Во-первых, из сострадания. Во-вторых, рог единорога чрезвычайно ценится магами, чародеями и колдунами.

Профессор Клифф'Арх, «История редких животных»

«– Воин в белом плаще устало упал на колени. Верный меч не подвел его в бою, и прочные латы защитили от рокового удара. Рыцарь без страха и упрека, к которому приблизился черный единорог, остался жив. Он был жив, а все вокруг – мертво.

Глядя на простирающиеся до горизонта опустелые земли, воин вспоминал свои родные края. Где-то там, в стране за горами и долами, уже набухали почки и просыпались ручьи, наполняя теплый ветер ароматом весны. Где-то там, но только не здесь – под серым небом проклятого королевства.

В сумраке туманов виднелись зачахшие деревья, что когда-то были густыми лесами. Остатки строений на месте великих городов топорщились, словно гнилые зубы.

Рыцарь безвольно коснулся ладонью груди, где он носил защитный знак: монетку с круглым отверстием по центру. Амулет, подаренный его возлюбленной девой, помог в неравном бою. Герой одержал победу над обезумевшим зверем, что нес гибель всем и каждому.

А вместе с тем, как единорога покинула жизнь, исчезло и его проклятие смерти. И хотя на иссохших деревьях уже никогда не появится листва, отныне здесь поселится надежда. Всесильное время излечит эти земли. Но способно ли время излечить душу?

Рыцарь застыл на коленях, прижимая руку к груди и глядя на поверженного врага. Он смотрел, как мухи кружатся над мертвым единорогом, ползают по его поблекшей шерсти, забираются в ноздри и остекленевшие глаза.

Отныне мухи стали символом надежды. А последний единорог погиб».

Девочка лет тринадцати грустно вздохнула и поставила точку в своих записях. Ее взгляд упал на мертвую собаку, лежащую неподалеку в темном переулке. Морда животного была прикрыта тряпкой, живот впал, шерсть на хвосте стала тусклой. Псина была гораздо крупнее, чем те, которых выращивали в питомниках. Неужели это свободная дворняга? Настоящее чудо!

Бродячих собак, а также кошек, крыс, птиц и бездомных людей этот город не видел уже сотни лет. И лишь от мух все никак не удавалось избавиться даже в самом сердце человеческой цивилизации. Насекомые кружились, жужжали и танцевали над трупом, как им только вздумается.

Задний двор интерната, куда девочка иногда сбегала, не отличался чистотой. Он был плотно окружен лесом из многоэтажных башен. Здания отражались в зеркальном куполе неба, что не знало ни дня, ни ночи, создавая мнимую бесконечность. Но, несмотря на гущу домов, город выглядел почти вымершим.

Лет сто назад, когда людей рождалось много, было решено, что массовое скопление горожан неблагоприятно влияет на их здоровье. Тогда ученые рассчитали необходимые размеры личного пространства, а инженеры создали конструкции невероятной высоты. Однако запланированного роста рождаемости не случилось, и вскоре верхние этажи башен опустели.

Сегодня на улице было тихо. Только искусственный ветерок шелестел пластиковыми обертками и бутылками, гоняя их по узким переулкам. Вскоре он сменил направление, и, уловив неприятный запах, идущий от падали, девочка поспешно встала. Спрятав в карманах свои драгоценные сокровища – блокнот и карандаш с радужным ластиком на конце, – она забралась обратно в окно интерната.

Если снаружи повсюду валялся мусор, то внутри здания царила чистота и пахло цветами. Зеркальные окна отражали ухоженные внутренние помещения, улыбочивые лица учителей, воспитанников и врачей. Это был необычный интернат. Его воспитанники не только жили и учились здесь, но и проходили лечение.

Девочка незамеченной пробралась в подсобное помещение, в котором она устроила тайник. Уборщики запирали дверь на замок, но ключами заведовали не только они.

– Опаздываешь, – с укором произнес охранник, мужчина высокий и статный, словно рыцарь из сказки. – По расписанию у тебя занятие физкультурой.

– Спасибо, что прикрываешь, Друговский, – поблагодарила девочка.

Она сняла с себя верхнюю одежду и, аккуратно сложив, спрятала ее в шкаф с противопожарным оборудованием.

– Друговский я, – поправил охранник.

– Это ты для остальных «другой», а для меня ты «друг», – важно заявила девочка.

Мужчина смущенно улыбнулся и попытался почесать затылок, но темные волосы были надежно схвачены гелем.

– Будь осторожнее, главная медсестра за тобой наблюдает, – предупредил он, а затем добавил уже тише: – Дженн... Не забудь, ты обещала мне... ну, роль в своей сказке, помнишь?

– Я уже написала, о мой герой без страха и упрека, – весело сообщила ему девочка.

Она никогда не смеялась, а улыбалась крайне редко. Но, услышав имя «Дженн», так и засияла от радости. Об этом придуманном имени и ее сказке знал только Друговский. Он был, пожалуй, единственным другом Василисы в целом мире.

В спортивном зале было малоллюдно: у большинства детей к занятиям имелись противопоказания по здоровью. Только два мальчика и сам учитель тихо общались, сидя на ковриках в дальнем конце помещения.

Несколько устаревших тренажеров и снарядов, гири и штанги стояли вдоль стен – каждый строго на своем месте. Девочка неторопливо размялась и взяла со стойки спортивную саблю. Заметив свою лучшую ученицу, пожилой инструктор оставил разговоры и пошел надевать защитный костюм.

Очень редко его воспитанники интересовались такими устаревшими дисциплинами, как фехтование, и успехи девочки не могли не радовать пожилого учителя. Этот вид спорта не зря остался среди допустимых дисциплин. Когда-то фехтование называли «быстрыми шахма-

тами». Оно было полезно – как для развития силы и реакции тела, так и для мышления и логики.

Инструктор знал Василису уже несколько лет – с тех самых пор, когда ее поместили в клинику-интернат. Сейчас она была тихой, застенчивой, а порой и весьма милой, но в тот день рычала, кусалась и царапалась, словно бешеная. Подобных случаев в своей практике тренер никогда не встречал. Чаще всего дети испытывали сложности с обучением или в общении друг с другом.

Какие могут быть причины для болезней в идеально продуманном обществе? Повод для расстройства мог выдумать разве что несформированный мозг ребенка. Именно поэтому детям ни в коем случае нельзя было знать о том, каким был этот мир, когда деревья росли прямо из земли, а в озерах, морях и реках можно было купаться.

Любые носители информации о тех временах уничтожались. Где девочке удалось найти книги со сказками, неизвестно. Как пояснили ее родители, их-то она и читалась.

В сказках помимо абсурдных сюжетов о любви и приключениях описывались также без-опасное солнце, голубое небо и свежий ветер, которых уже давно не существовало. Ясно, почему психика ребенка дала сбой.

ДЖЕННА

2. Давным-давно

– Васька, спой нам! – кричали дети.

– Пой! Пой!

Аккуратно причесанные, одетые в чистые костюмчики, они толпились у помоек позади школы. Уборщики здесь появлялись строго по расписанию, и в распоряжении у детей было достаточно времени на то, что им запрещалось делать в учебном заведении. Они бегали, кричали и играли в свои особенные детские игры.

– Ты, эта... пятерышница! – хохотали мальчишки.

Один из них, высокий, худой, с большим ртом и выпученными глазами, выйдя вперед, растормошил светлые волосы «пятерышницы». Девочка отпрянула, в ее глазах блеснули слезы.

– Вот теперь ты похожа на одну из этих, – заявил мальчик, – из тех, что продают свои песни.

– И еще кое-что продают, – ехидно добавила какая-то старшекласница.

– Но нам ты споешь бесплатно! – крикнул другой школьник.

– Пой! Пой! – подхватил детский хор.

– Отпустите меня, – взмолилась Василиса. – Пожалуйста, отпустите...

– Пой! Пой! – голосили дети, все плотнее обступая девочку.

– Пой, Васька! – кричал мальчик с большим ртом.

– Пой! – вопили дети.

– Пустите меня!

– Пой, Васька! Пой!

– Нет!

– Пой! Пой!

И девочка закричала. Она закрыла глаза, стиснула кулачки и завизжала так громко, что у нее самой заложило уши.

Толпа детей загоготала и рассыпалась. Довольные тем, что добились желаемого, они отправились по своим классам. А растрепанная и заплаканная Василиса до конца уроков отсиживалась в пыльном углу под лестницей. С последним звонком она самой первой выбегала из школы, но шла не домой, а в свое секретное убежище.

Родители девочки возвращались с работы поздно. Им незачем было следить за дочкой-отличницей. Никто не заставлял Василису делать уроки или общаться со сверстниками. И однажды, гуляя в одиночестве по одному из опустелых районов города, она нашла хранилище бумажных книг – самую настоящую библиотеку.

Старое здание пряталось за брошенной стройкой и было частично переделано под свалку для производственных отходов. Невзирая на опасности, любопытная Василиса сумела найти лазейку и пробралась в хранилище. Внутри целые этажи, коридоры и комнаты были усыпаны листами с текстами и картинками. Журналы, газеты, карты, измятые и порванные, таинственно шуршали под ногами ковром из пыли и клочков бумаги.

Кое-где в библиотеке сохранились деревянная мебель, покрытая морщинками растрескавшегося лака, и светильники с абажурами из разноцветных стеклышек. В одной из верхних комнат нашлись даже старинные напольные часы с циферблатом и маятником. После нескольких попыток Василисе удалось завести механизм, и ее тайное царство наполнилось волшебной музыкой.

Слушая тихое уверенное тиканье часов, девочка с упоением читала книги о ведьмах и рыцарях, о феях и крокодилах, о пиратах и даже о кенгуру. Но одной из ее любимых сказок стала история о принцессе и драконе.

Принцесса была так прекрасна, что не могла и шагу ступить без своей охраны. Она ни разу не выходила за пределы замка, поэтому ничего не знала, не умела, да к тому же была страшно капризной и вздорной. И все же, когда пришло время, очередь из женихов к ней выстроилась от соседнего королевства! Да только суженых принцесса так и не увидела, потому что в одно прекрасное утро ее похитил дракон...

Что произошло дальше – неизвестно: страниц в этой книге, как и во многих других, не хватало. Однако Василисе хватало и собственного ума, чтобы понять, как повезло принцессе сбежать из замка!

Сквозь мутный пластик окон она с грустью смотрела на пустые улицы и осиротевшие башни многоэтажных домов, оплетенные черными нитями проводов и похожие одна на другую. Девочка воображала, будто бы это башни замков, увитые зеленью, а по дорогам бродят диковинные существа, свободно гуляют кошки и собаки.

И глубоко в душе она мечтала однажды увидеть в настоящем синем небе настоящего живого дракона... Конечно же, Василиса не считала себя такой же красивой, как принцесса. Пусть дракон прилетит за кем-то другим, а она просто посмотрит на него!

Но потом девочка нашла другую сказку и поняла, что принцессы бывают разными. А некоторые из них даже могут стать самыми настоящими героями!

Книга стояла на нижней полке одного из завалившихся набок стеллажей и словно дожидалась своего часа. «Королева-воительница Дженна» – гласил заголовок над иллюстрацией.

По-видимому, на картинке была изображена главная героиня романа. Но все, что от нее осталось, – это женская фигура в вытертых доспехах на фоне поблекшего пейзажа. Верхняя часть обложки с именем автора, лицом королевы и воздетым к небу оружием была кем-то отгрызена. По крайней мере, так решила Василиса.

Не хватало в книге и доброй части последних страниц, однако так было даже лучше. Ну кому нужен конец истории, если она хороша?

Девочка много раз перечитывала приключения королевы-воительницы. Мир, окружавший героиню, был полон тайн и загадок. Василиса могла лишь примерно представить себе, что такое опушка леса, горы и доли, полнолуние и ночь, эльфы и сиды.

Девочка читала, и в ее воображении стройные фигуры в развевающихся белых одеждах кружились вокруг пылающих костров. Чарующие девы и юноши – вечно юные дети леса – пели о красоте своего мира. Этот мир с его чудесами, танцами и песнями защищала королева-воительница Дженна.

Читая про ее приключения, девочка, разумеется, представляла себя главной героиней. С тех пор она звала себя Дженной и никак иначе, словно была уверена, что неизвестный автор написал книгу именно о ней.

Под тиканье старинных часов маленькая «Дженна» изучала и другие книги. Ей попадались страницы из энциклопедий, в которых рассказывалось о грибах и ягодах, чем ель отличается от сосны, почему вода и небо были голубыми – и еще много-много всего интересного! В школе этого не проходили; там даже простые разговоры о старом мире были запрещены.

Ко всему прочему, в библиотеке девочка могла петь. Новые песни она не очень любила и чаще напевала старые, найденные в книгах. Мелодии к ним девочка сочиняла сама. И как она пела! Ни у кого в ее классе не было такого прекрасного голоса. Уроки музыки в школе допускались в общеобразовательных целях, но усердствовать на них считалось неприличным.

Учителя часто говорили, что изобразительством, сочинительством, пением и танцами занимаются самые бесполезные члены общества – артисты, которые плохо решают уравнения и годятся только для того, чтобы развлекать людей. Некоторые школьники с удовольствием повторяли эти слова, издеваясь над маленькой Василисой...

Но слезы и обиды оставались в школе, а по вечерам девочка возвращалась домой настоящим героем, сильной и смелой королевой-воительницей. Проскользнув в свою комнату,

Дженна принималась за создание собственных сказок. По ее замыслу, каждая новая история дополняла сборник рассказов из старинной библиотеки.

Но однажды родители обнаружили тайное увлечение дочери, и тогда случилась беда. Больше уже не было ни глупых одноклассников, ни любимых уроков пения, ни драгоценной свалки макулатуры. Все, что осталось девочке, – это слабость, уколы и капельницы, белые стены, люди в белых одеждах и сладкий цветочный запах ароматизаторов.

Когда Василиса наконец поднялась с кровати, ей сообщили, что родителей она больше не увидит, а ее домом стала клиника-интернат. С тех самых пор жизнь девочки переменялась, подчиненная общему ритму и строгим правилам.

Возможно, Василиса зачала бы от тоски, если бы не уроки физкультуры. Имелась в интернате и своя библиотека – разумеется, с безопасной и одобренной литературой, – где можно было проводить свободное от учебы и обязанностей время. С головой уходя в чтение, девочка забывала обо всех печалях.

Но вот в один прекрасный день произошло настоящее чудо! Опустив руку в карман своего халата, Василиса обнаружила блокнот и карандаш с радужным ластиком на конце. В душе девочки вновь забрезжила надежда на лучшее. Она принялась писать свои истории воодушевленное, чем когда бы то ни было.

И королева Дженна продолжила приключения.

3. Договор

Это был самый обыкновенный день. На обед подали белковое пюре, как было сказано в меню – со вкусом овощей и мяса, фруктовую воду и сладкую конфету. Дети сидели за длинными столами, вежливо разговаривая друг с другом. Как и во всем здании, здесь царила белизна. Только потолки в столовой были покрашены в голубой цвет, а спинки стульев – в оранжевый. Считалось, что это способствует улучшению аппетита.

У Дженны аппетит был отличный! Она спешила проглотить пюре и поскорее убраться из общественной столовой. Учителя и медсестры иногда подсаживались к ней, чтобы пообщаться, вызнать о ее самочувствии и настроении.

– Как твои дела, Василиса? – вдруг раздался над головой девочки женский голос.

Это была высокая худощавая женщина с гордой осанкой и тяжелым взглядом главнокомандующего отделения медсестер. Та самая старшая медсестра, о которой девочку предупреждал Друговский, – поборница дисциплины и обладательница вызывающе алых волос, неизменно завязанных на затылке в объемный пучок.

– У меня все хорошо, – вежливо ответила Дженна, отводя взгляд.

Бледно-голубые глаза женщины вызвали у нее неприятные ассоциации с медицинским сканером.

– Слышала, ты много читаешь, – улыбнулась своими тонкими красными губами медсестра Белова. – Учебники по медицине – хороший выбор. Хочешь стать врачом?

– Хирургом, – со злости буркнула девочка первое, что пришло ей в голову.

– Вот как, – одобрительно кивнула женщина. – Чтобы помогать самым безнадежным больным?

– Мне интересно внутреннее строение человека. – Дженна заставила себя улыбнуться.

Медсестра присела на стул, внимательно наблюдая, как девочка доедает десерт и неловко вытирает сладкие пальцы о салфетку.

– Сегодня у тебя короткий учебный день, – внезапно сменила тему Белова. – Хочу предложить тебе прогуляться, – она понизила голос, – наверх.

Дженна онемела от страха. Подниматься на верхние этажи строго запрещалось! Среди детей ходили страшилки, будто бы там ликвидируют «неизлечимых»: как их тела, так и личности стирают из памяти даже близких и знакомых людей. Преждевременная смерть одного индивидуума не должна пугать или расстраивать остальных. Как именно это происходило, никто не знал. А поскольку пациент исчезал из памяти, все это были только слухи.

– Если ты закончила обедать, идем, – не терпящим возражений голосом сказала медсестра Белова. – Время не ждет...

Девочка и женщина молча встали из-за стола и направились к выходу. Они долго шли по лестницам, поднимаясь все выше. Проходили вдоль длинных серых коридоров, единственным украшением которых были закрытые двери с одной стороны и большие окна – с другой. На средних этажах, где жили воспитатели, учителя и врачи, пластик окон был прозрачным, так что можно было увидеть город. Башни небоскребов отражались от куполообразного неба. Улицы делили землю бороздами линий и углов.

Дженна глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Самые верхние этажи, куда вела ее старшая медсестра, были заброшены; если ей и предстоит быть ликвидированной, она еще сможет сбежать. Однако, когда они оказались на очередной лестнице, медсестра взяла девочку за руку.

– Нам еще выше? Зачем? – испугалась та, не в силах бороться с тонкими пальцами женщины, которая влекла ее за собой.

– Терпение, – коротко ответила Белова.

Она отперла дверь, ведущую на запретную территорию, и протолкнула Дженну вперед себя.

– Но сюда нельзя! – крикнула девочка. – Вы не имеете права! С детьми так нельзя!

– Не надрывай горло, дурочка, побереги свое тело, – скривила губы Белова.

– Вы думаете, что никто не будет меня искать? – настаивала Дженна. – Думаете, у меня нет друзей? Вы ошибаетесь! У меня есть друг...

В ответ медсестра лишь беззвучно рассмеялась.

Они прошли по коридору и, войдя в одну из пустых комнат, остановились. Цепкие пальцы медсестры разжались, выпуская девочку на свободу. Дженна рванулась обратно к выходу, но Белова преградила ей путь и, мягко развернув, оттолкнула назад.

– Ты так много читаешь – и все равно слишком глупа, – раздраженно бросила старшая медсестра. – Но на глупости и сказки больше нет времени! Тебе необходимо кое-что узнать о реальности, увидеть истинную картину мира...

Девочка замерла, прислонясь спиной к стене и судорожно размышляя над словами Беловой. Тем временем женщина извлекла из своей сумочки блокнот и карандаш с радужным ластиком. Глаза Дженны расширились.

– Ну? – проговорила медсестра, вопросительно изогнув бровь. – Что скажешь на это? Откуда они у тебя, как думаешь?

Девочка не проронила ни звука, шумно вбирая носом пыльный воздух.

– Правильно, – кивнула женщина. – Как я уже и говорила: ты слишком глупа.

– Я нашла их в... – Дженна сжала кулаки и запнулась.

Ее губы и подбородок предательски задрожали, слезы покатились из глаз.

– И? – поторопила медсестра.

– Это вы подложили их? – наконец смогла выговорить девочка.

– Слава богам, ты не безнадежна, – одобрительно кивнула Белова. – Да, я подарила тебе блокнот и карандаш, – сказала она, сделав шаг навстречу. – Я позволила тебе играть с саблей и даже безнаказанно убегать из интерната на прогулки, – говорила она, медленно приближаясь. – Это я позволила тебе беспрепятственно наслаждаться своим даром сочинительства! – Она самодовольно усмехнулась. – Но у всего есть цена. И теперь я задам тебе один очень важный вопрос. Он удивит тебя, моя дорогая, моя милая Дженна...

У девочки перехватило дыхание. Откуда Беловой было известно ее сокровенное имя?! Книга о королеве так и осталась стоять в библиотеке, а сама Василиса никогда не писала это имя в сказках, пряча главную героиню за другими прозвищами. И это имя знал лишь Друговский – ее единственный друг... Ах, но друг ли?

Дженна в отчаянии рванулась к двери, но женщина поймала ее и грубо швырнула обратно. Девочка упала, неловко подвернув ногу, вскрикнула и теперь уже расплакалась навзрыд.

– Да ты крикса¹ неразумная! – в сердцах воскликнула медсестра.

Незнакомое выражение прозвучало так странно и смешно, что Дженна вмиг позабыла свое горе. Откуда Белова вообще взяла это слово? И до того... Она упомянула богов? Неужели она тоже читала запрещенные книги?

– Кто такая крикса? – переспросила девочка, шмыгая носом и удивленно хлопая мокрыми ресницами.

Женщина вздохнула:

– Успокойся, и, может статься, у тебя еще будет возможность узнать ответ...

– Так вы не убьете меня? – удивилась Дженна.

¹ Крикса – мифическое ночное создание, заставляющее детей плакать.

Белова отвернулась от нее. Она вздохнула, а затем рассмеялась и снова посмотрела на свою несообразительную пациентку.

– Ты готова умереть? И только-то?

– Я готова к смерти, но не к ликвидации! – гордо произнесла Дженна давно заученную установку.

– А если я предложу тебе побег? – неожиданно спросила Белова.

Девочка затихла. Побег, теперь такой реальный, почему-то оказался не менее устрашающим, чем смерть.

– Я не верю вам, уважаемая Белова, – все, что смогла пролепетать девочка.

– И не поверишь! – рассмеялась медсестра. – Не поверишь, даже согласившись и оказавшись на свободе, ибо все это несколько выше твоего ограниченного человеческого понимания.

– Хорошо, – кивнула Дженна. – Допустим, вы не медсестра. Может быть, вы и не Белова?

Женщина перестала улыбаться. Взглянув в глаза девочке, она подняла руку и одним быстрым движением извлекла из своей прически изящную шпильку. Волосы алыми волнами рассыпались по груди и плечам медсестры. Они были такими длинными, что доставали до самых бедер. Даже у артисток не было таких красивых, блестящих и ярких волос!

– Вы ведьма, что ли? – несмело произнесла девочка, холодея от собственной догадки. Неужели такое можно было сказать вслух?

– Да, – внезапно ответила Белова. – И нет. – Она опустилась на колени рядом с девочкой, не жалея своего стерильно-белого платья. – Все же я медсестра. Чародейка и медсестра.

Дженна не сумела сдержать смеха.

– Твое сознание не в силах увидеть истинную природу вещей, – спокойно продолжила ведьма. – Я и Белова, и нет. Ведьма, как ты изволила выразиться, и медсестра. Мы... перемешаны.

– Это еще как? – испуганно спросила Дженна, прекратив смеяться. – Перемешаны?

– Так же, как и ты, крошка моя, – улыбнулась ведьма-медсестра. – Ты, – она ткнула тонким пальцем ей в грудь, – уже перемешиваешься с Дженной.

– Не понимаю...

– Ты живешь двойной жизнью, – объяснила Белова. – В других сферах подобных тебе людей немало. Они путешествуют в своем воображении, пишут книги, стихи, песни, картины... Однако ваш мир не поощряет подобных затей. В нем нет места тем, кто желает создавать свои маленькие миры и играть другие роли. В нем нет на это силы. Ваш мир – как дряхлый старик, которому невмочь подняться с кресла.

– Что такое сфера? – переспросила Дженна, тряхнув головой. – Есть другие миры? Наш мир – это, что ли, не ваш мир?

– И да, и нет, – таинственно улыбнулась красноволосая. – Сфера – это планета, и часть планеты... Сферы есть у людей и животных.

– Я запуталась, – буркнула девочка. – Вы медсестра и ведьма, допустим. Ну а я? Чем мне грозит это ваше «перемешивание»?

– Смертью, – усмехнулась Белова. – Ты, моя голубка, не выживешь вне стен интерната. И не потому, что тебя ликвидируют, о нет. Ты сама себя ликвидируешь. И притом уже очень скоро. То, что ты ощущаешь сейчас, – вся эта злоба, обида, одиночество и тоска, – многократно усилятся. Твоя тонкая сфера, твоя душа не выдержит этой боли...

Дженна не спешила с ответом. Честно говоря, подобные мысли приходили ей в голову. Но она выбивала их звоном сабли, чтением книг. А лучше всего ей помогало писательство.

– Так вот, – продолжила ведьма. – Я предлагаю тебе просто уйти.

– Уйти? Но как же это? И куда? – опешила девочка.

– Поменяться местами. – Медсестра пристально взглянула на нее.

– Не понимаю. – Дженна тряхнула головой, сбрасывая наваждение.

– Представь, если бы ты могла поменяться местами, скажем, с некой королевой...

Девочка вспомнила свою королеву-воительницу, но все же недоверчиво фыркнула.

– Ты готова поверить в то, что я ведьма, но не в то, что когда-то я поменялась местами с девочкой Беловой? – с усмешкой уточнила женщина.

– Я не верю! – воскликнула Дженна. – Простите меня, но я все-таки не верю, что вы ведьма. Вы же не наколдуете и простого заклинания, даже самого малюсенького колдовства! Так и чем же вы докажете свои слова?

Девочка снова вернулась к реальности. И в этой реальности ее секретное имя было известно врагу. А значит, ее предал единственный друг!

– Я ничем не буду доказывать свои слова, – ответила женщина. – Тем не менее я задам тебе тот самый вопрос, ради которого мы проделали наше неприятное путешествие. Скоро ты станешь девушкой, твое тело уже меняется. Время не ждет. Я обязана задать вопрос. Очень важный вопрос.

Девочка затаила дыхание, не зная, плакать ей, смеяться, а может, полезть в драку или снова попытаться убежать? Но вместо этого она прошептала:

– Я слушаю вас...

– Ответь же, урожденная Василиса Герман, – начала ведьма, – ты, которая, вопреки имени, данному родителями, называешь себя Дженной, – ее голос становился все громче, – готова ли ты отбросить эту слабую оболочку и обрести иное тело – тело, наполненное силой?

Девочка вздрогнула. Ах, если бы все это было правдой!

– Ты, – продолжила ведьма, – готова раз и навсегда покинуть этот мир, чтобы познать бесконечное множество других миров? Ты, – громогласно вопрошала ведьма, – готова оставить своих родителей, свой город, своих знакомых – и, быть может, обрести семью, дом, друзей?..

– Да как же так? – шептала девочка, смахивая слезы со щек. – Это невозможно... Неправда все, неправда...

– Только одно твое слово, – закончила женщина.

Ее бледно-голубые глаза и звенящий голос проникали в самые тайные закоулки души.

На мгновение Дженна увидела глаза не медсестры, а той, что когда-то заняла ее место. Эти глаза светились ярче самых мощных ламп, а распущенные волосы развевались в порывах волшебного ветра словно алые крылья! Это была уже не медсестра, не женщина, да и не человек вообще.

И девочка поверила. Поверила, потому что не поверить было невозможно. Невозможно было даже подумать иначе, задуматься на миг: как, зачем и кто? Ее словно окутало нечто, парализующее волю.

– Да, – не слыша себя, ответила девочка. – Да... Я согласна... Согласна!

4. Да здравствует королева

Дженна не помнила, как она вновь оказалась на жилых этажах интерната. Сияние, привидевшееся ей, бесследно рассеялось. Мир снова стал ясным и четким, а прическа медсестры – аккуратной и строгой.

Что произошло там, наверху? Почему из глаз Беловой лился свет? Откуда в помещении взялся ветер? Ерунда какая-то, не могло этого быть. «Ведьма» и сама сказала, что в «их – не их» мире нет силы даже для простых заклинаний. А еще она заявила, будто это Дженна чего-то там не знает о реальности – не видит истинной картины мира. Ну уж нет! Все ясно: ее просто отравили за обедом, токсин начал действовать не сразу и быстро отпустил.

Подойдя к охранникам, медсестра что-то им сказала, и те проводили Дженну в ее комнату.

– В столовую не ходи, ужин тебе принесут, – предупредил один из них, прежде чем уйти.

Девочка дрожала от возбуждения. Конечно же, они все заинтересованы в ее переходе в другой мир! Вся клиника... да нет, весь город, вся планета только и ждут этого часа. Вместе с ужином медики наверняка принесут в палату старинные свечи, зеркала... Что там еще требуется для ритуала?

Ах, как же она наивна! Как быстро она согласилась с «ведьмой» – созналась в своей глупости и бесполезности! И теперь на ужин она получит укольчик смерти. Не будет никакого перехода, смешивания или еще чего-нибудь в этом роде.

Дженна выждала некоторое время, затем подошла к двери и проверила замок. Закрыто – разумеется! И с чего бы им ее запирают, раз она уже на все согласилась?

Девочка забралась на кушетку и задумалась.

Этой истории был уже не один год. Возможно, такие, как Белова, наблюдали за ней и до клиники. За ней или же за библиотекой. Может быть, они и сохранили то место от уничтожения? Или это была ловушка для особенных детей?

Подошло время ужина. Дженне принесли жидкий зеленый суп и белую воду с приторным запахом цветов. Хотя есть хотелось нестерпимо, девочка аккуратно вылила ужин под матрас. Спать она легла пораньше, не снимая одежды. Так и пролежала, закутавшись с головой в одеяло, без движения, настороженно прислушиваясь.

А затем дверь тихо открылась. Одним глазом девочка «спала», а другим подсматривала. В проеме в тусклом свете коридора возникла высокая плечистая фигура.

Мужчина приблизился. Это был Друговский! Неужели благородный рыцарь пришел спасти ее? Или?..

Он потеревил Дженну за плечо. Девочка обмякла, сделав вид, будто крепко спит. Тогда мужчина достал из кармана шприц.

И тут вся картина сложилась воедино, Дженна все поняла! А поняв, ощутила в себе невероятную силу и злость. Такой злости она не чувствовала уже несколько лет – с тех самых пор, когда родители отняли у нее сказки...

Больше она этого не допустит! Она не отдаст жизнь в руки взрослых, отупевших от своих бесконечных медикаментов и порошков со вкусами правильной еды, хорошей работы и допустимых ценностей! Мусор! Никчемный биологический материал, лишенный естественных желаний, – это они! Но не Дженна. Дженна хочет жить, она сильная, умная и быстрая.

Девочка распахнула одеяло, швырнув его в лицо охраннику, прыгнула на пол и вылетела в коридор. Друговский не крикнул, не вызвал подмогу, не попытался как-то вразумить ее словами. Он молча бросился в погоню.

Они бежали по тускло освещенным коридорам. Приближалась полночь, и пациенты давно разошлись по палатам. Друговский не отличался проворностью, однако расстояние между ним и девочкой сокращалось. Глухой стук его ботинок становился все отчетливей.

Дженна выбирала маршрут, где наверняка не было дежурных, быстро преодолевая поворот за поворотом. За несколько лет она выучила каждый закоулок здания. Она знала, куда надо бежать.

Спортивный зал был открыт. Дженна ворвалась в помещение. Охранник догнал ее уже через мгновение.

– Зачем тебе это, Друговский? – крикнула девочка, пятясь назад.

– Таков порядок, – коротко ответил мужчина.

– Ты предал меня! – выдохнула Дженна.

Друговский пожал плечами. Он не был силен по части устаревших выражений. Охранник хлопнул по кнопке на стене, и в спортивном зале, щелкая, стали зажигаться лампы.

– Только один укол, – произнес мужчина. – Это не больно. Так будет лучше.

В его голубых глазах не отражалось ни страха, ни сожаления, словно убивать детей было для него привычным занятием.

– О нет, не об этом мы договаривались с Беловой! – Дженна стиснула зубы.

В ее груди клокотал гнев, а весь страх будто бы испарился. Она злилась на Друговского, на Белову, на весь мир, но больше всего – на саму себя. Глупая, какая же она глупая! И почему она позволила рыцарю убить черного единорога? Черный единорог должен был выжить, а рыцарь – умереть!

Мужчина подбежал к ней, но Дженна отпрыгнула назад. Не медля ни секунды, она развернулась и выхватила со стойки оружия спортивную саблю. Отточенным движением девочка сделала глубокий выпад и, полоснув охранника клинком, быстро отскочила назад.

Друговский охнул, закрыв лицо руками. Но уже через мгновение снова бросился вперед. Дженна зарычала и принялась рубить саблей с такой силой, как будто перед ней был уже не человек, а манекен.

Мужчина мычал от боли. Из его рассеченных рук текла кровь. Однако он продолжал наступать, а Дженна – убегала и нападала. Снова и снова. Словно заведенная, она прыгала вперед и назад, размахивая саблей.

При соприкосновении с врагом тупое лезвие гнулось и пружинило. И девочка с ужасающей отчетливостью поняла, что серьезных ран ее легкое оружие нанести не способно. Нужно было придумать что-то еще!

После очередной атаки мужчина замешкался, позволив пациентке разорвать дистанцию между ними. Воспользовавшись лишними секундами, девочка отбежала в противоположный угол зала – туда, где застыли старые громоздкие тренажеры. Она размахнулась и изо всех сил ударила клинком по металлической стойке. Звон раздался такой, что уши заложило. Где-то вдалеке обиженно звякнул об пол отломанный кусок лезвия.

И в этот момент Друговский настиг Дженну. Он собирался сбить с ног непослушного ребенка, повалить ее на пол и оглушить. Но девочка, казалось, сама ожидала его. В последний момент она обернулась, и мужчина заметил улыбку на ее губах.

Не успев остановиться, охранник навалился на Дженну всей своей массой и внезапно ощутил внутри себя неестественный холод и что-то горячее, растекающееся по животу. Его руки опустились, колени ослабли, а из груди вырвался сдавленный хрип.

Удивленными глазами Друговский уставился на блекнувший образ пациентки. Маленькая девочка держала в руке острый обломок спортивной сабли, который еще секунду назад был вонзен в его тело по самую рукоять.

С холодной яростью Дженна наблюдала, как ее друг – ее бывший друг – на подкосившихся ногах осел на пол, как на его чистой белой форме растет и ширится темно-красная клякса.

– Рыцарь убит, – торжественно произнесла Дженна. – Черный единорог будет жить!

Мужчина рухнул к ее ногам. Он больше не двигался и не дышал. Из-под воротника рубашки выпал медальон на цепочке – монетка с круглым отверстием по центру...

В тот же миг в глазах девочки торжество сменилось безразличием. Затем на лице появилось недоумение, словно бы она была уже другим человеком. Мельком взглянув на обломок сабли в своей окровавленной руке, она рассеянно выронила оружие. Будто оно, как и рука, не принадлежало ей, было чужим.

Раздался шум распахнувшихся дверей. Девочка обернулась.

– Дженна? – строго спросила старшая медсестра, приближаясь. – Вот-вот полночь! Что здесь... – Увиденная картина заставила ее запнуться. – Что ты...

– Дженна? – повторила девочка. – Кто такая Дженна? Мне казалось, меня зовут Джива...

– ...Слава Единому! – ахнула Белова, упав на колени и низко склонив голову. – Да здравствует Ваше Величество Джива!

– Дженна – та самая твоя пациентка? – с интересом оглядела себя девочка.

– Урожденная Василиса, – кивнула Белова.

– «Василиса» – «царица» или «королева», – прищутив глаза, усмехнулась девочка. – Пожалуй, это имя мне подходит... Ну, здравствуй, Белая.

– Моя королева, – снова поклонилась медсестра. – Пациентка была так глупа, что я уже потеряла надежду. Однако у вас получилось... Но... – Ее взгляд указал на поверженного «рыцаря». – Что произошло? Он помешал вашему появлению?

– Похоже, он собирался помешать ее уходу, – покачала головой девочка. – Представь себе, это сделала... как она там называет себя – Дженна? Погляди, наш Враг нашел вас, – холодно пояснила она, указав на амулет на груди мертвеца. – Твоя невнимательность едва не стоила нам всего эксперимента!

Та, кого она назвала Белой, виновато кивнула:

– Прошу прощения, Ваше Величество.

– Василиса, – строго поправила девочка.

– Я и подумать не могла, что Враг сумеет пробраться в этот мир... – пролепетала медсестра. – Но как ему удалось?

– Они шли той же дорогой, что и мы, – изнутри, – ответила девочка. – По-видимому, у этого юноши тоже были мечты, которые можно забрать...

– Однако плакса Дженна все же неплохо подготовилась. – Белая присела рядом с телом и, с усилием перевернув его на спину, осмотрела рану. – Распорота брюшная аорта... Не зря она читала учебники по анатомии.

– Оставь свои измышления на потом, вот-вот полночь, – напомнила Джива-Василиса повелительным тоном взрослой женщины. – Довольно разговоров. Пока еще не оборвалась связующая нить между этим телом и душой Дженны, отведи меня... к ним!

– Следуйте за мной, Ваше... Василиса, – поклонилась Белова.

Минуя жилые и учебные этажи, они поднялись в отделение клиники и вошли в одну из палат интенсивной терапии. Здесь было темно и тихо: ни дежурных, ни медсестер. Пациенты не нуждались в уходе. Они спали. Спали необычным сном уже долгие и долгие годы.

Проследовав вдоль ширм, девочка и медсестра остановились у трех постелей в самом конце палаты. Лежащие на них женщины выглядели старыми, однако их волосы сохранили удивительно яркие цвета: искристо-белый, как снег; рыжий, точно огонь; и черный, словно ночь.

Василиса приблизилась к черноволосой.

– Я слышу твое новое имя... Май, – прошептала она, с материнской нежностью прикоснувшись к морщинистой руке. – Вот и я, моя милая. Я проделала долгий путь, чтобы освободить всех вас от оков этой сферы...

– Но хватит ли на это сил человеческой душе, что рождена в умирающем мире? – тихо встала Белова.

– Да, в этой сфере осталось мало жизненной силы, – проговорила Василиса, не оборачиваясь. – Но тем удивительнее сила мечты... Я верю, Дженна отыщет верный путь. А дочери последуют за ней и за отголоском моей магии.

Ее голос был сух, но щеки покраснелись, а в глазах блеснули слезы.

– Ох уж эта крикса Дженна, она плачет при любом удобном случае, – заметила Белова. – Даже вы, моя королева, поддались ее настроениям.

– Мне еще нужно привыкнуть к этому телу...

– ...Привыкнет ли она к вашему?

– Это не важно, – резко ответила Василиса. – Дженна будет той, кем себя считает.

– А как же Враг? – напомнила медсестра.

– Враг – необходимое условие для развития героя.

– Вы обменялись с ней не только телами, но и сферами магии. Великая жертва. Вы возложили такие надежды на простого человека...

Гневный взгляд девочки пресек Белову на полуслове. Не проронив более ни звука, медсестра положила на столик три шприца. Наполненные смертельным препаратом, они перешли в руки Василисы.

Помощница поспешно вышла в коридор. Через несколько мгновений Василиса присоединилась к ней.

– Все кончено? – взволнованно спросила Белова.

– Все только начинается, – прошептала Василиса.

5. Путь

Сначала был холод – сухой мороз и тьма. Затем внутри зародился жар.

Крохотный огонек разрастался, ширился и раскрывался, подобно дивному цветку. Он пульсировал, заполняя собой все пространство от края и до края.

Расцветая, он прорывал пределы самого себя, сказочным венцом сиял над ликом бесконечности. И каждый из его лепестков стал вселенной, а каждая искра его пламени – миром.

Свет миров манил. Он был неопикуемой музыкой, прекрасной и чудовищной одновременно. Незнакомые слова, цвета, звуки, неясные образы кружились в голове. Само сознание вращалось по оси и уносилось в пеструю бесконечность.

Слов и картин было так много, что глаза растворились в них. В оглушительной мелодии потонул слух. Тело стало светом, хладом и пламенем одновременно. Оно стало цветком и рассыпалось на лепестки.

Но затем свет отступил, померк. И возникла отрезвляющая тяжесть.

Сквозь болезненный сон она вспомнила, что необходимо бежать. Ей угрожает опасность, ее преследуют! Она вспомнила себя и в следующий миг забыла о дивном цветке, зато вновь ощутила свое тело.

Желание движения переродилось в силу. Мышцы напряжились. Она подскочила на ноги и сорвалась с места.

Бежать! Не важно, куда, от кого, главное – бежать! Сквозь ночь, сквозь прошлое и боль, сквозь страх и восторхи радости. Бежать сквозь призрачные лица, голоса, дома, улицы. Сквозь целый мир – серый, потерянный, умирающий, – не ее мир. Пусть все бывшее остается в прошлом, а ее ждет будущее!

Тяжесть отпустила, грудь наполнилась легкостью. Она больше не бежала – парила! Все выше и выше! Она летела сквозь мрак – сильная и свободная...

Она проснулась под странные звуки, каких никогда не слышала раньше. Открыв глаза, девочка обнаружила вокруг себя зеленый туман. Но теплый свет, льющийся сквозь него, становился ярче. И вот уже дымка рассеялась, словно сон, а за ней открылась картина, при виде которой замерло сердце.

Девочка ахнула и, глубоко вздохнув, обнаружила, что воздух обрел запах. Он был таким сладким, что у маленькой странницы закружилась голова. В носу и в глазах у нее защемило, а по щекам потекли горячие слезы. Девочка поднялась на ноги: поначалу неловко и боязливо. И уже через миг она прыгала, хохотала и визжала во весь голос!

Вместо тесного нагромождения домов перед глазами девочки застыла безбрежная синяя гладь. Над водой носились, перекрикивая друг друга, белые птицы. Волны, накатывая на мягкий золотистый песок, лизали ее босые ступни. А над головой вместо серого купола простиралось настоящее небо – огромное, яркое, озаренное ослепительным солнечным диском!

Странница осторожно ощупала свое лицо. Она не могла его увидеть, но пришла к выводу, что это обыкновенное человеческое лицо. Девочка была одета в простое платье, перехваченное на поясе веревкой.

Подняв подол, она осмотрела ноги. Это были ее собственные ноги. Впрочем, как и живот, и руки...

Все осталось таким, каким она и запомнила. Но ведь ей обещали обмен? Так где же новое тело? Нет, девочка не стала королевой-воительницей! Однако мир вокруг нее уже не был прежним.

Странница вспомнила свой странный сон: бег, а потом ощущение полета и... От напряжения у нее зашумело в ушах. Девочка опустилась на колени и провела рукой по воде, прислушиваясь к новым ощущениям. Море, солнце, запахи и цвета – все было такое незнакомое, невероятное, как во сне, только в тысячу раз более яркое и громкое!

Волны набегали и ускользали. Белая пена щекотала ступни. Девочке хотелось пить, но из книг она знала, что соленая вода не годилась для утоления жажды. Зато ее можно было потрогать, зачерпнуть в ладошки и плеснуть на лицо. Облизнув с губ горькие капли, недолго думая, девочка бросилась в море.

Столько воды, в которой можно купаться, – да что могло быть удивительнее этого?!

Девочка покачивалась на волнах, погружаясь в них на выдохе и снова поднимаясь на поверхность при вдохе. Щуря глаза от солнца, она рассматривала безупречно чистое небо и воображала, как впервые увидит ночь, звезды и луну, грозовые облака, закат и рассвет – все то, что в ее родном мире давно исчезло.

Вдоволь насладившись морем, девочка оставила побережье и направилась к лесу, зеленоющему с противоположной стороны. Солнце начинало припекать, нужно было найти тень и источник пресной воды. Но сильнее жажды девочку волновали вопросы: где она? надолго ли здесь? что ей делать? и, в конце концов, кто она теперь такая?

Оказавшись на опушке, странница замерла. Новые запахи и звуки захлестнули ее дурманящей волной. Лес пел, стрекотал, шелкал и скрипел. Девочка видела картинки в книгах, но даже не представляла себе, насколько величественными могут быть деревья. Высокие колонны были одеты в янтарную кору и шапки изумрудных игл, а землю под ними, словно шкура огромного зверя, устилал ковер пожелтевшей хвои.

По мере того как девочка забиралась все дальше в лес, радость от новых ощущений заглушили жажда и ноющая пустота в животе. На ее пути встречались низкие кустики с разноцветными ягодами. Красные оказались горькими. Синие ягоды были сладкими, но от них так громко забурчал живот, что девочка испугалась.

Ближе к полудню маленькая странница окончательно уверилась в том, что происходящее – не видение или, по крайней мере, не такой уж и волшебный сон. Ноги щипало от царапин и морской соли, все тело чесалось от укусов насекомых, а жажда мучила просто нестерпимо. Выбившись из сил, девочка присела отдохнуть на зеленую кочку и, не придумав ничего лучше, начала напевать одну из своих песенок.

Она пела, и – о чудо! – постепенно в голове начали всплывать новые названия! Травы и деревья, птицы и звери обретали имена. А вскоре стали появляться и вовсе странные существа... Вроде бы не животные, но и не растения, они походили на ожившие кочки мха или пеньки с руками-сучьями.

Тонкотелые создания, покрытые древесной корой и клочками травы, открывали глазбусинки и покачивали ветвями. Они внимательно прислушивались к детскому голоску. А девочка все пела для них: моховиков и пущевиков, леших, водяных и кикимор – не виденных ею до этого дня, странных, пугающих, удивительных.

Мелодия менялась, новые слова сами собой возникали в ее голове. Внезапно девочка услышала, как будто кто-то подпевает ей! Красивый высокий голос становился громче, и вот уже стало возможным различить отдельные слова. Слова неизвестного языка складывались в предложения; девочка тихонько повторяла незнакомые речи, словно пробуя их на вкус.

Вдруг, как по волшебству, она начала понимать их смысл. Голос словно сделался знакомым! Улеглись все волнения, и родилось доверие. Будто дикий лес с его обитателями, каждое живое существо, весь мир стали друзьями маленькой страннице.

Через некоторое время песня стихла, и из-за деревьев вышел стройный мужчина. На вид ему можно было дать как двадцать, так и сорок лет. Он был одет в зеленое, под цвет леса, в тон травянистых глаз; на плечах лежал неприметный серый плащ. Его светлые волосы были убраны в длинную косу. Девочка на всякий случай провела рукой по своим ушам: нет, у нее были округлые уши, в отличие от незнакомца.

Эльф глядел пристально, словно рассматривал что-то внутри ее. Затем он спросил:

– Как ты здесь оказалась и где твои родители?

Не зная, что ответить, девочка поднялась с кочки и, смущенно отряхнув подол платья, пожалала плечами.

– Ты сиротка? Заблудилась, что ли? – Голос мужчины был приятным, но слово прозвучало резко.

Девочка молча кивнула.

«Сиротка». Да, она сирота, ведь родители от нее отказались. Нет, это она отказалась от целого мира! Не было у нее теперь ни родителей, ни дома.

– Пить хочешь? – спросил эльф.

Она снова кивнула.

– А о чем была твоя песня? – не поднимая глаз, робко поинтересовалась девочка.

С наступлением темноты они разбили лагерь под сенью деревьев. Протяжно кричала ночная птица. По сухим поленьям плясало живое пламя. Эльф нанизал на прутик мясистые куски грибов и протянул девочке.

– Ни о чем, просто песня и все, – безразлично хмыкнул он и кивнул на грибы. – Чего медлишь? Подержи над огнем. Обжаренные они куда вкуснее.

Девочка с интересом повела носом над грибами и неловко повторила его движение. Эльф заметил, что она ко всему принюхивается: к грибам, к деревьям, даже к нему. Она вела себя будто зверек, впервые попавший в лес, – опьяневший от свободы, раздираемый любопытством, но в то же время оторопевший, напуганный новыми чувствами и ощущениями.

Девочка не смела лишний раз взглянуть в лицо эльфу. Он же с удовольствием рассматривал маленькую незнакомку. Ее спутанные волосы отливали золотом, словно спелая пшеница в знойный полдень. А глаза, большие и бледно-зеленые, напоминали морскую гладь в пасмурную погоду.

– Я не люблю обманывать, – строго пояснила девочка. – О себе я рассказала все, что могла...

«Я сбежала от плохих людей», – вот что она поведала эльфу. Даже имени своего не назвала. И он не настаивал. Человеческие дети частенько убегают от родителей. История эта не стоит того, чтобы тратить на нее свое внимание. Он проводит малышку до ближайшего поселения и оставит там.

– Ты и не сможешь обмануть меня, – ухмыльнулся эльф. – Слова нужны людям, я же чувствую.

Девочка вскинула голову и посмотрела на него – прямо, не таясь. На миг в глубине ее глаз мужчина увидел холодный отблеск смерти. Это заинтересовало его.

– Ты ценишь правдивость? – переспросил эльф. – Тогда ответь-ка мне честно на один вопрос...

Девочка насторожилась, но согласно кивнула.

– ...Скажи, быстро ли умер твой враг?

Повисла тишина. Человеческий ребенок и впрямь не умел лукавить. Глаза девочки округлились от удивления и ужаса. На мгновение она затаила дыхание, а затем буркнула:

– Быстро. Я попала в живот, прямо в большую артерию.

Теперь настало время удивляться эльфу. Его неожиданная спутница не умела жарить грибы, но знала, что такое артерия. Она пугалась каждого шороха, но живо интересовалась всем вокруг – совсем как зверек... сбежавший из клетки.

– Ах, маленькая Л'еилэ, – с хитрой улыбкой пропел эльф.

Девочка прислушалась к его словам.

– Лисенок?

– Маленькая, беспомощная, но умная, – покачал он головой. – Ты получила неплохое образование, раз знаешь мой язык. Никак сбежала из какого-то дворца?

На этот раз его собеседница отвела глаза.

– Ну и как тебе понравилось убивать, «принцесса»? – усмехнулся эльф.

– Рыцарь предал меня! – сердито воскликнула его безымянная собеседница.

Эльф понимающе кивнул. Девочка смотрела на него блестящими глазами. Их выражение было ему до боли знакомо. И вдруг он передумал оставлять этого любопытного маленького зверька людям.

– Понравилось ли мне убивать? – повторила девочка, горько усмехнувшись и помахав перед собой прутиком, словно мечом. – Не знаю! Потому что я ничего не почувствовала.

Она выдохнула и гордо взглянула на эльфа.

– Что ты чувствуешь, когда срываешь грибы?

– Ничего, – улыбнулся эльф. – Ничего, моя милая Л'еилэ.

– Красивое имя, – кивнула девочка.

Впервые с их встречи она улыбнулась.

– Меня можешь называть Мат Миэ, – сказал эльф.

– Договорились, – согласилась девочка. – А скажи мне, Мат Миэ, как называется это место? Где я нахожусь?

– Как говорят мои учителя, – загадочно ответил эльф, – ты там, где должна быть. Ты там, где нужна.

Ночь окутала их лагерь. Сквозь макушки сосен сияли звезды. В костре танцевали оранжевые языки пламени. Эльф достал флейту, и в воздухе разлилась красивая мелодичная музыка. Он играл. А Л'еилэ смотрела на небо, шмыгала носом и украдкой утирала слезы.

6. Страна вечного лета

И сказал им Единый Создатель: «Во веки веков будете вы здоровы и счастливы, ибо неизменное лето дарую Я вам. И не узнаете вы ни недугов, ни голода, пока силы ваши будут направлены в труд и на благо, но не друг против друга.

Тех же, кто ослушается Моего Закона, настигнет злой рок. Падут на их головы невзгоды и несчастья страшные.

«Легенды Энсolorадо»

Для девочки, ни разу не выходившей за стены города, Леилэ быстро привыкла к странствиям. Она засыпала под открытым небом, мылась и стирала в холодных ручьях. А питалась в основном тем, что удавалось добыть собственными руками.

Мат Яти'Миэ Мертэза – таково было полное имя эльфа – был отнюдь не таким миролюбивым, как говорилось об эльфах в старых сказках. Мужчина частенько приносил к их костру убитых животных.

– В природе есть свои Законы, – объяснял он за приготовлением еды. – Законы Единого распространяются на весь наш мир Сия.

Леилэ держала за ноги крупную заячью тушку, а эльф, аккуратно подрезая ножом места соединения кожи и мяса, стягивал шкурку сверху вниз, будто чулок.

– Закон первый, – сказал он. – Мир наполняет бесчисленное множество рек и ручьев, по которым течет сила жизни.

Несколькими ударами ножа Мат Миэ отсек заячью голову.

– Сила жизни – это кровь? – спросила Леилэ, завороченно наблюдая за тем, как стекает в чашу густая темно-алая жидкость.

– Кровь, но наполняющая не только твое тело, – мужчина указал острием ножа ей в грудь, – но и все вокруг! Это витали. Она, как и кровь, должна беспрепятственно циркулировать: в земле, в воде и в воздухе, от одного существа к другому, от рождения к умиранию...

К тому времени как эльф закончил с тушкой зайца, подоспели и угли в костре. Мужчина поворошил их и, отодвинув чуть в сторону парочку еще горящих поленьев, установил вертел с мясом над огнем.

– Витали можно почуять, как запах, – продолжил он. – К примеру, лисы чуют запах плохой витали, поэтому убивают самых слабых зайцев. Кому-то, кто вырос во дворце, – Мат криво усмехнулся, – это может показаться жестоким... Но благодаря жестокости лис заячий род становится сильнее.

– И ты тоже чуешь запах витали, верно? – уточнила Леилэ, с удовольствием вдыхая аромат поджаривающегося мяса.

Эльф лишь хитро прищурился и продолжил:

– Кроме запаха у витали есть и мелодия. Она различается у эльфов и людей, у лесов и городов. Если петь созвучно этой мелодии, то песня всегда будет радовать слушателя и...

– ...А если фальшивить? – взволнованно перебила его Леилэ.

– То попрячутся не только люди и эльфы, но даже грибы и ягоды, – пошутил эльф.

Девочка от души расхохоталась, живо представив себе эту картинку.

– Ты не спрашивала себя, от чего так быстро поверила незнакомцу при нашей первой встрече? – строго оборвал ее веселье Мат Миэ.

– Мы пели вместе, – вспомнила Леилэ.

– Наши души пели на одном языке витали, – объяснил Мат. – Мы нашли единую мелодию.

– А могли и не найти, – вздохнула Леилэ.

– Закон второй, – продолжил эльф. – Будь ты травоядное животное или хищник, помни: на всех найдется свой охотник! Эльфы называют его сьидам. Или венатор – на древнем языке. Охотник необходим всем живым существам, в том числе и самому охотнику. Сьидам следит за чистотой витали.

– Сьидам чуют как волки? – вновь задала вопрос девочка.

– ...Или лисы, или любые другие хищники, – ответил эльф. – Горе тем, кто лишился своего охотника. Род, в котором нарушено естественное течение силы, неизбежно обречен на болезни, вырождение и забвение.

– А я смогу научиться слышать мелодию витали и чують ее запах? – поинтересовалась Леилэ.

– Кое-что ты уже умеешь, – улыбнулся Мат Миэ. – Иначе я бы не стал тратить на тебя свое время...

Девочка не до конца понимала, что конкретно имеет в виду ее наставник. Руслы, о которых он говорил, были невидимыми. А охотниками эльф называл не только себя или волков, но и болезни, войну и зиму.

Мат Миэ не носил с собой видимого оружия: ни лука за плечами, ни меча за поясом. Однако его одежда была полна потайных карманов и ремешков, в которых он прятал метательные ножи и дротики для духовой трубки. На виду Мат хранил лишь две флейты, одна из которых предназначалась не для музыки.

«Мы там, где нужны, – любил повторять эльф. – Истинного охотника ведут сами дороги. Куда бы он ни шел, он всегда оказывается там, где должен быть».

А оказалась девочка в Энсолорадо – в Стране вечного лета.

И в самом деле, погода здесь почти не менялась. Иногда Мат называл страну Единым королевством. Он рассказывал, что многие столетия назад разрозненные королевства Семи Ветров объединились под властью могучего короля и его жестокого волшебника.

На севере материка, за цепью великих гор Аркха, простирающихся от востока до запада, лежали другие страны. Хребты Аркха и суровые зимы представляли непреодолимую преграду для завоевателей. Никакие короли и волшебники не решались покушаться на Северные земли, и поэтому их называли Свободными королевствами.

Эльф и девочка путешествовали по Энсолорадо. Они шли вдоль Белого моря, лесами и полями, проходили города и деревни, нигде не задерживаясь больше чем на день, никогда не ночуя на постоянных дворах и не питаясь в тавернах. Только один раз Мат Миэ провел Леилэ по торговым рядам в людских кварталах, чтобы подобрать своей ученице необходимые в пути вещи и заменить ее обноски удобной мальчишеской одеждой.

Новый мир завораживал, восхищал и пугал Леилэ. Его жители не были похожи на людей, которых девочка знала по родному миру. Они были злее и одновременно веселее, они много разговаривали и причудливо пахли.

Впрочем, то же самое Леилэ стала замечать и за собой. Хотя ее внешность не изменилась – как девочка могла убедиться, добравшись до зеркала, – чувство свободы повлияло на ее характер. Самое главное, чему научилась Леилэ, – это громко смеяться.

Помимо людей Энсолорадо населяли самые разнообразные создания. На большой дороге человека запросто могли ограбить и даже убить, а в лесу – еще и съесть. Чтобы жить в этом мире, нужно было выучить традиции и повадки его обитателей. Ученица схватывала все буквально на лету, ведь каждое новое знание приводило Леилэ в восторг.

Мат учил ее приемам, которые позволяли девочке чувствовать себя в безопасности как в диких лесах, так и в шумных городах. Эльф объяснял ей, в какое время суток можно безбоязненно ходить по заповедным пущам, а когда нужно спрятаться; где это сделать – и как

поступить, если укрыться негде. Он рассказывал, как не обидеть леших и кикимор, как почтить водяных и полевых, как избежать столкновения с нечистой в полдень или в полночь.

Леилэ узнала, как вести себя с бандитами, чтобы не быть ограбленной, и самое сложное – как разговаривать с продавцами, чтобы не быть обманутой. Эльф учил ее быстро ориентироваться в пересечениях улиц, заводить знакомства, хитрить и исчезать, используя не только дороги, но и крыши домов.

Мат объяснял девочке, как правильно передвигаться в толпе, использовать свет солнца днем, различные фазы луны – ночью, и тени – в сумерках. Он показывал, как рыбачить и ставить силки, метать ножи, швырять камешки с помощью пращи.

Путники странствовали, обходя большие тракты, а иногда держась и вовсе невидимых дорог. Эльф называл их сумеречными, или лисьими, тропами. Мат говорил, что они существуют где-то между мирами людей и духов, а проложили их таинственные лигнитлеи.

Эти древние духи населяли мир Сия с самого его сотворения. Как говорилось в легендах, лигнитлеи вышли из-под земли вместе с первыми деревьями. Однако, как в те времена, так и поныне, они оставались скрытыми от любопытных глаз и показывались лишь тому, кого считали достойным.

И только избранным лигнитлеи доверяли часть своих знаний: например, тропы, по которым можно следовать быстро и незаметно на короткие расстояния. Ходили слухи, что духи проложили еще и норы, по которым можно было пересечь самое большое море и самую высокую гору в мгновение ока, но ничего подобного Мат никогда не встречал.

Леилэ подозревала, что через такую вот нору ее душа и попала в новое тело. Ей страшно хотелось разузнать подробнее о лигнитлеях и рассказать правду о себе... Но все это время ее не покидало ощущение, что эльф многое недоговаривает, поэтому девочка не спешила обсуждать с ним и собственные секреты.

7. Странник

Однажды путники приблизились к портовому городу Бейрамору. Мат рассказывал Леилэ, что по величине и красоте Бейрамор лишь немногим уступает Самторису – столице Энсолорадо. Все самые удобные и безопасные пути от Южного континента Эльжануба до Северного Вариаса проходили через Белое море, поэтому город, расположенный на его берегу, по праву считался одним из важнейших торговых центров страны.

Войдя в Бейрамор через Приморские ворота, путники оказались на набережной. Море переливалось солнечными бликами, и ветер полнился его соленым дыханием, смешанным с запахами пряностей, масел, невиданных и диковинных товаров, людей и нелюдей.

Какие только создания не проходили мимо эльфа и его ученицы, спеша по своим делам! В пестром шуме толпы то и дело раздавались окрики торговцев, громовые приказы капитанов, задорный женский смех и грубая матросская брань.

Порт пестрел от кораблей. Грузные китобойные суда, баржи и быстроходные шхуны толпились у пристани, похваляясь белизной парусов и многоцветьем флагов.

В городе жили, проезжали мимо или гостили самые разнообразные существа! Люди и эльфы с Южного континента отличались смуглым цветом кожи, мягкими чертами лица и яркими одеждами. Светловолосые северяне Единого королевства носили одежды более спокойных оттенков. Жители его прибрежной части были невысокими и худощавыми, как высушенная рыба, которую они продавали. А среди восточных горцев встречались настоящие великаны.

Леилэ увидела гномов и цвергов из Свободных королевств, что лежали на севере за горами Аркха. Все они были невысокого роста и крепко сложены. Но гномы носили длинные, заплетенные в косы бороды, а цверги предпочитали стричь бороды коротко, зато поистине впечатляющими были их крючковатые носы!

Встречались на улицах упитанные и полностью покрытые короткой шерстью карлики из западных земель Оесши и совершенно безволосые малыши в шелковых одеждах из страны Калос, что лежала за морями на Южном материке. Эльф объяснил, что изначально они принадлежали к одному племени, и до сих пор в Энсолорадо их называют людки, то есть маленькие люди. На востоке Единого королевства жили их антиподы агрии – очень высокие люди, считающие своими предками первых великанов.

Купцы из Свободных королевств везли на продажу кожу и меха, драгоценные камни, металлы и ювелирные изделия. С Южного континента Эльжануба на рынки Бейрамора поступали диковинные сладости, овощи и фрукты, пряные благовония и тончайшие ткани.

Знакомые Леилэ только по книгам картофель и какао присылали из страны Добу́р. Из Джаэру́ба везли масла, пряности, сладкий перец, томаты и баклажаны. А шелка, черный и желтый чай, белый и красный рис – из Калоса. В свою очередь, энсоларийцы отправляли за море лен, пшеницу и главную гордость – вино.

У Леилэ даже голова закружилась, так часто она ею вертела в попытке оглядеть все и сразу.

– Некрасиво, а порой и опасно пялиться на окружающих так бесстыдно, – сделал замечание Мат Мизэ. – Помнишь, что я говорил про взгляд?

Девочка кивнула:

– Взгляд привлекает внимание! Смотреть нужно из-под опущенных век и самым краешком глаз.

Леилэ очень старалась использовать боковое зрение, но оно не позволяло рассмотреть все в подробностях, поэтому маленькая ученица все чаще хитрила, скрывая неумный интерес не от прохожих, а от собственного наставника.

Она была в восторге от кораблей и товаров, которые они привозили, от заморских гостей в причудливых одеяниях, от загадочных странников, прячущих лица, от веселых и приветливых горожан. Бейрамор не был похож на унылые людские городишки и селения, через которые они с Матом проходили раньше.

Пожалуй, девочка согласилась бы остаться здесь и подольше, чтобы как следует все изучить, но у Мата Миэ имелись свои соображения. Эльф дал ученице время до захода солнца, наказав ей слушать мелодию витали города, наблюдать и запоминать, а сам исчез. Обрадованная его уходом и немало проголодавшаяся, Леилэ незамедлительно проследила за движением толпы и направилась изучать базар.

Торговые ряды тянулись целыми улицами! Если в порту было многолюдно, то здесь от шума и ароматов у маленькой странницы заложило уши и нос. Девочка старательно выполняла упражнение, данное наставником, но общая мелодия рынка оказалась чересчур крикливой и шумной. Куда интереснее Леилэ было разобраться в отдельных ее нотах; к примеру, в пестроте языков, на которых здесь общались.

Поначалу от многообразия произношений у Леилэ в голове все смешалось и запуталось. Но потом девочка представила, что она слышит не слова и буквы, а мелодии. И дело пошло живее.

Ранее Мат уже рассказывал ей, что все языки мира Сия родились от семи древних праязыков, на которых говорили еще сами боги. Праязыки он называл отцами семейств. Семьи состояли из сыновей, у сыновей были внуки и правнуки.

– Каждый отец носит имя одного из богов: Ота, Элибир, Добур, Калос, Альтир, Падар и Тад, – говорил эльф. – Некоторые отцы такие старые и дряхлые, что утеряли голоса. От них произошли многие названия и имена, однако в первоначальном виде немые языки используют только ученые и маги. Моих северных сородичей говорить научил бог Ота Беловолосый. Отийский используют за Аркхом, а за последние столетия он утратил голос... Онемел и его брат – язык нелюдей, который придумал бог Падар.

Отец Альтир Сказочник породил семейство человеческих языков всего Северного континента Вариаса. Сам Альтир утратил звучание и стал называться древним². Но в Свободных королевствах за горами Аркха общаются при помощи его многочисленных северных сыновей и внуков. А люди Энсолорадо вот уже две тысячи лет говорят на его энсолорийском отпрыске. В разных частях Единого королевства встречаются младшие альтирские внуки: наречия и диалекты. Важную роль в разговорах играет не только произношение, но и жестикуляция. Южане активно размахивают руками прямо перед лицом собеседника. Северяне проявляют сдержанность. В длину Энсолорадо так велика, что жесты, которые на западе означали дружелюбие, на востоке вполне могут принять за оскорбление.

– А мое имя? – поинтересовалась Леилэ. – К какой семье относится «лиса»?

– Твое имя придумал Элибир Мудрый, – ответил Мат. – На элибирском говорят эльфы Юга. Творение отца Элибира столь прекрасно, что сохранилось до нынешнего времени!

Теперь, вышагивая вдоль торговых рядов, девочка заметила, что и люди с Южного континента часто используют элибирский, разговаривая друг с другом. Но если эльфы пели как соловьи, то люди скорее каркали и стрекотали.

– Элибир и его братья Добур и Калос породили всю семью Эльжануба, в том числе и человеческие языки, – вспомнила она слова наставника. – Правда, люди сильно упростили древние знания.

Гномы, цверги и другие нелюди Северного королевства общались при помощи сыновей Тада Угрюмого. Тадайский не отличался многословием, но каждая фраза отражала множество

² Древнеальтирский язык схож с латынью. Далее будет обозначаться: древнеальтирский (лат.).

значений. Этот язык Леилэ почти не понимала. Его рваная, прыгающая мелодия напоминала ей невнятное бурчание и вызывала смех.

Девочка бродила по улицам, прислушиваясь к разговорам, разглядывая людей и нелюдей. По сравнению со здешними жителями Леилэ в своей потертой зеленой курточке и истоптанных сапожках выглядела словно дикий лесной зверек. Она не желала заплетать косы, так и ходила с растрепанными волосами.

Не обратив ни малейшего внимания на витрины с ювелирными изделиями, у которых вздыхали другие девочки, Леилэ протиснулась сквозь толпу мужчин, окруживших оружейную лавку. Начищенный металл сиял на солнце привлекательнее всяких бус и колечек.

Какого только оружия здесь не продавали! На витрине можно было увидеть кривые сабли, боевые молоты, серпы и секиры из Свободных королевств, длинные мечи с двойным изгибом и пламенеющими лезвиями – с Южного континента.

Мат выдавал своей ученице кое-какие лузы – монеты Энсолорадо с изображением солнца с семью лучами, – но обычно их хватало лишь на сладости да на мелкие вещички. И даже о самом простеньком мече она могла только мечтать.

Впрочем, чудеса случались время от времени. Чуть ранее девочка потратила две медные лузы на гребень для волос, украшенный резными цветочками незабудок. А в придачу к нему улыбчивый эльф-продавец с необыкновенными для эльфов рыжими кудрями вручил Леилэ карманное зеркальце.

Это был поистине царский подарок! Даже самое крохотное зеркальце такой чистоты и блеска стоило гораздо дороже гребня, а может, и меча... На оправе из черепашьего панциря была выгравирована надпись, из которой видны остались лишь три слова на древнеальтирском: Кайкэс, Мутэс, Сурдэс.

Но у оружейной лавки чуда не повторилось. Девочка разочарованно отвела взгляд от мечей и принялась. Запах свежей выпечки манил Леилэ не меньше, чем блеск клинков. В пути ей редко удавалось полакомиться сдобными булками, а уж в своем мире о свежем хлебе из настоящей пшеницы она только читала.

Леилэ прошла мимо навесов, в тени которых продавали разноцветные ткани, гончарные и деревянные изделия, фрукты и овощи, мясо и рыбу, и наконец оказалась перед хлебной лавкой. Здесь она накупила золотистых пирогов и глазированное яблоко.

Увидев это, Мат наверняка отругал бы ее за прожорливость. Почему-то он считал, что человеческим девочкам полезно оставаться полуголодными. Но эльф был далеко, а Леилэ ужасно хотелось булочек. Особенно ей не терпелось попробовать пирожки с настоящей, выросшей под землей картошкой! В конце концов, она же не транжирила лузы на браслеты и бусики, а значит, имела право насладиться чем-то другим!

В центре Бейрамора на холме возвышались величественные золотые купола храма Единорога. Ниже шли дома с пестрыми разноцветными крышами, где проживали богатые купцы и ремесленники. По окраинам ютились скромные, но опрятные, выкрашенные белой краской мазанки рыбаков и крестьян. От самого храма к морю спускались улицы, между которыми, словно зеленые щупальца какого-нибудь гигантского морского гада, стелились фруктовые и цветочные сады. Туда-то со всем своим богатством, завернутым в бумагу, и побежала Леилэ.

Оказавшись в саду, девочка выбрала себе одно из самых укромных местечек: достаточно высокое, чтобы любоваться морем, и в то же время подальше от натоптанных тропинок и шумных детских компаний, которых она побаивалась. Удобно устроившись в раскидистых ветвях старой яблони, Леилэ принялась было за пирожок, как вдруг внизу увидела мальчика.

Он появился будто из ниоткуда и был таким худеньким и белокожим, что больше походил на какого-нибудь призрака. Да и одет мальчик был странно: в облегающие штанишки и синий камзол, расшитый золотыми звездами.

Не заметив Леилэ, он сел под облюбованной ею яблоней и уставился на море.

– Эй! – сердито крикнула ему девочка на всеобщем языке.

– Здравствуйте, – учтиво поздоровался мальчик, оглядываясь по сторонам. – А где вы?

– Да тут я, – ответила Леилэ, слезая с яблони.

Она отряхнулась от листьев и веточек, одновременно внимательно рассматривая паренька. Мальчишек, в общем-то, она недолюбливала, но этот был какой-то очень уж странный. Она собиралась было сообщить ему, что это ее место, но, заглянув в грустные голубые глаза мальчика, вынула из мешка пирожок и протянула ему.

– Хочешь?

– Благодарю!

Он принял дар Леилэ с такой искренней радостью, что все ее опасения развеялись. Вместе они уселись на траву и принялись уплетать румяную выпечку. Мальчик с интересом посматривал на Леилэ, а потом вдруг спросил:

– Ты ведь тоже не отсюда?

– Ну да, – кивнула девочка. – Я в этом городе по важному делу.

– Я имел в виду, что ты не из этого мира, – будничным тоном уточнил паренек.

Леилэ ощутила, как у нее по спине пробежали мурашки. Она перестала жевать и сердито посмотрела на незнакомца, который вот так просто взял и разгадал ее страшную тайну.

– Ах, прости, я все время забываю, что странники не любят себя раскрывать, – примирительно улыбнулся он, видя замешательство девочки. – Я и сам нездешний – путешествую по разным сферам, поэтому сразу вижу других странников.

– По сферам? – переполошилась Леилэ.

Она вспомнила, что Белова говорила о сферах, и от удивления чуть не выронила пирожок, перепачкав пальцы в вишневой начинке.

– Сфера – это другое название мира, – пояснил мальчик.

– Значит, ты можешь переходить из одного мира в другой? – охнула Леилэ. – А я-то думала, что одна такая!

– О нет, таких, как мы, немало, – покачал головой незнакомец. – Вот на прошлую луну я встретил другую странницу. Она рассказала мне про пиратов и кенгуру и еще множество разных историй. Рыжая и очень веселая девочка, – задумчиво добавил он. – Вся в веснушках!

Леилэ готова была сама подпрыгнуть, как кенгуру, от удивления и радости.

– И где же сейчас эта странница? – поинтересовалась она, облизывая пальцы от вишневого варенья.

– Села на большой корабль и поплыла дальше, – ответил мальчик. – Ты знаешь, что этот город, как большой перекресток? Здесь можно найти любой путь себе по душе.

– Ну надо же, перекресток, – недоверчиво прошептала Леилэ. – Но ты сказал, что странники не любят себя раскрывать. Почему же так?

– Это все из-за глупости тех, кто путешествовать не умеет, – вздохнул мальчик. – Дело в том, что есть миры, открытые для странников, а есть – закрытые. Любой мир изначально был закрыт, но с возрастом они открываются, будто спелые стручки гороха... Некоторые считают, что открытый мир – это плохо. Ведь он становится доступен не только для добрых странников, но и для зла! Поэтому жители сфер не любят всех пришельцев без разбору...

– Вот как. – Девочка удрученно поджала губы, но через миг уже вновь загорелась любопытством. – Значит, ты путешествуешь по мирам... – повторила она. – Но скажи, как же тебе удается понимать чужие языки?

– Ах, это легче простого! – с важным видом ответил мальчик. – Стоит только выучить несколько, и все остальные начинаешь понимать с первых же слов. Это свойство всех странников, – он хихикнул, – и твое тоже. Представь себе, сейчас мы с тобой говорим на гораусийском, а ты даже не заметила...

– Ой! Никогда не была в Гораусии! – расхохоталась Леилэ.

Некоторое время они обсуждали Гораусию и другие миры, где успел побывать странник.

– А куда ты направляешься дальше? – с затаенной завистью поинтересовалась девочка.

– Я просто путешествую, и все, – сообщил мальчик. – Хочу найти друзей и узнать разные вещи...

– Найти друзей, – передразнила его Леилэ. – Все хотят найти друзей, только где же их взять?

– Хочешь, будем с тобой дружить? – предложил мальчик. – Я – Принц, а ты?

– А я – Лиса, – смущенно улыбнулась в ответ девочка.

– Я странник!

– И я!

– А какая у тебя самая заветная мечта? – вдруг спросил Принц.

– Да она глупая... – робко произнесла девочка.

– Ты все равно Расскажи! – подбодрил ее мальчик.

– Ну хорошо, – нехотя согласилась Леилэ. – Понимаешь, – осторожно начала она, – когда-то я прочитала сказку о принцессе и драконе. И с тех пор мне очень хочется посмотреть на настоящего, живого дракона!

– Это умная мечта, ведь настоящие драконы – большая редкость, – понимающе кивнул Принц. – А я всегда мечтал увидеть море. Моря – это не редкость, но в моем мире их нет...

– Я точно не уверена, но, кажется, и в моем мире их нет, – произнесла Леилэ, задумчиво глядя на видневшееся из-за яблонь Белое море.

– А знаешь, ведь бывает, что целый мир – сплошной океан! – воскликнул Принц. – Но встречаются и такие крохотные сферы, на которых не помещается даже одно самое маленькое озеро.

– Как же ты мог побывать в мире-океане? – недоверчиво прищурилась девочка. – У тебя, что же, есть корабль?

– Своего корабля у меня нет, – признался Принц. – Но существуют такие шхуны, которые плавают по воде, по воздуху и даже между мирами!

– Ух! – воскликнула Леилэ. – Скажи, а много ли этих миров?

– А вот как звезд на небе, – кивнул мальчик.

– Но звезд же – бесчисленное количество!

– Ты пыталась считать звезды? – насторожился Принц.

– Ну ж нет! – с хохотом отмахнулась девочка. – Зачем же их считать? На них нужно любоваться!

– Вот и я так думаю... – с удовлетворением заключил мальчик.

Странник и охотница еще долго разговаривали. Они жаловались друг другу и хвастались, молчали и снова болтали. Они разговаривали обо всем на свете: о тайнах и мечтах, о глупостях и разумностях, о морях и драконах, о друзьях, о взрослых и даже о людях-грибах.

Потом Принц и Леилэ по очереди разгрызли глазированное яблоко и стали любоваться закатом. Алый шар солнца медленно опускался в сиреневые воды моря. Когда же сад окутали синие сумерки и застрекотали сверчки, настал и час прощания.

– Можно, я дам тебе совет? – спросил Принц. – Никогда не разговаривай с цветами.

– Хорошо, – серьезно ответила девочка. – А пообещай и ты мне кое-что.

– Да?

– Не доверяй змеям.

Принц кивнул:

– Обещаю.

После прощания с Принцем Леилэ долго искала Мата Миэ в городе. Но, как ни старалась, она не сумела различить ни единой подсказки, которые обычно оставлял эльф. Сообразив,

что он исчез на своих тайных тропах, девочка решила подождать наставника за городскими стенами.

Мат появился в ночи, ведя под уздцы двух невысоких лошадок.

Хотя девочка никогда не ездила верхом, испуга она не показала. Наставник коротко объяснил Леилэ, как обращаться с конягой. Это оказалось не так уж и сложно, все животные хорошо слышали витали. Стоило лишь исключить из своей мелодии нотки страха, добавить побольше уверенности, соединить их с нехитрыми движениями – и лошадки начинали доверять своему седоку и слушаться его.

– Большинство скакунов Срединных земель Энсолорадо приучено к тому, чтобы к ним подходили слева, – рассказывал эльф, покачиваясь в седле. – На Востоке – наоборот, справа. Это зависит от того, с какой стороны у тебя висит меч.

Девочка многозначительно вздохнула. Ведь мечта-то у нее и не было!

– Не сутулься, – поправил ее Мат. – В степях Оэши живут кочевники. Их лошади неприхотливы и послушны, к ним можно подходить даже сзади.

– Как это скучно, – заметила Леилэ, – когда мир делится только на запад, восток, юг и север.

– Ну, у подгорных гномов и цвергов есть еще низ и верх, – нравоучительным тоном добавил Мат. – А боги и демоны знают тайное седьмое направление... Семь – число силы: семь праязыков, семь направлений и основных стихий в природе Сии. Вот почему на монетах и на гербе Энсолорадо изображено солнце с семью лучами.

– Подумаешь, демоны и боги! – воскликнула Леилэ. – А ты когда-нибудь встречал... драконов? – Она мечтательно вздохнула. – Вот я бы очень хотела увидеть настоящего дракона!

Эльф зловеще усмехнулся.

– Драконы, на наше с тобой счастье, давно вымерли...

– Но есть же другие миры, где они живы, – осторожно заметила девочка.

– Другие миры? – несколько презрительно прищурился мужчина. – Какие глупости...

8. Выбор

Следующий город, в котором пришлось задержаться путникам, располагался на широкой реке, посреди лесистых холмов и золотых пашен. «Хемель» – гласила надпись на межевом столбе. Прошел дождь, и плодородная земля щедро источала ароматы трав и цветов.

Если судить по запаху и по открывавшемуся издали виду, то можно было понять, что Хемель процветает. Высокие крыши домов покрывала красная черепица. Медово-пряничные фасады радовали глаз узорчатыми наличниками.

Однако за крепостными стенами ароматы резко переменялись. Мостовые устилал слой мусора, как будто кто-то вынес его из подвалов и ям да щедро рассыпал по улицам. После дождя вдоль дорог текли бурые ручьи грязи. Воздух пропитался запахом речной рыбы и отходов. А сами горожане встречали путников неприветливыми взглядами.

Эльф ехал медленно, вслушиваясь в разговоры. Леилэ держалась бок о бок с мужчиной, не поднимая глаз и пряча лицо за прядями волос. Оба явственно ощущали царившее в городе напряжение. Даже их лошадки то и дело беспокойно стригли ушами и недовольно фыркали.

– Так тихо, – прошептала девочка.

– Заметила? – одобительно кивнул эльф.

– Да.

– Что еще?

– Очень грязно, – брезгливо поморщилась Леилэ.

Она задыхалась от вони, повисшей во влажном воздухе. Но было и еще нечто неуловимое, что заставляло ее нервничать. Они прошли сквозь десятки городов, и этот чем-то отличался от всех остальных... «Здесь живут одни люди, вот в чем дело», – решила про себя Леилэ.

Путники спешили у ряда невысоких домов, стоящих обособленно от прочих построек. Здесь останавливались на ночлег и хранили товар приезжие купцы. Это было единственное место, где с незнакомцами не боялись заговорить. Их провели во внутренний двор и указали на конюшни.

– Леи, на этот раз ты останешься здесь до моего прихода, – сказал эльф, расседывая свою гнедую. – Не отходи далеко от гостиного двора³ и не заговаривай с людьми без надобности.

Девочка скривила рожицу и трагически вздохнула.

– Я не шучу, – предупредил Мат. – Дело на сей раз необычное и очень опасное.

– Опасное, – передразнила Леилэ. – Но ты мне все равно ничего не объяснишь. Как и всегда! Ты уходишь куда-то – и возвращаешься, словно навещал старых приятелей. Ты думаешь, я не чувствую, как меняется твой запах? Неприятно меняется! Ты пахнешь... – Она прикусила губу, заметив, как сверкнули зеленые глаза эльфа. – Ну ладно, а вдруг с тобой что-нибудь случится? Что мне тогда делать?

– Если со мной что-то случится, бери ноги в руки и уходи как можно дальше, – ответил мужчина. – А пока прекрати кривляться и спорить. Четко следуй моим указаниям. На этот раз мы имеем дело со скверным человеком...

– Кто это «мы»? – переспросила Леилэ.

– Я, ты и горожане, – пояснил Мат.

– Горожане, – повторила проницательная ученица. – Значит, на этот раз тебя наняли люди?

– Верно. Так что сделай милость, посиди в таверне. Твое задание на сегодня: слушать, о чем говорят и как молчат...

³ Гостинный двор (от слова «гость») – комплекс зданий, предоставляющий услуги для оптовой торговли товарами и жизнедеятельности торговцев (обычно из других регионов).

– Но для чего? – ехидно ухмыльнулась девочка, всем видом демонстрируя недовольство.

– Я буду тебе признателен, Леи, – проговорил эльф, одарив ее строгим взглядом, – если к концу дня ты сама ответишь на свой вопрос...

Хмурясь и вздыхая, Леилэ вышла из конюшни и послушно направилась к дверям таверны. Мысль о добром завтраке немного согрела душу девочки, а запахи жареного мяса и сосисок, доносившиеся из кухни, вовсе вернули ей хорошее настроение.

В общем зале было не то чтобы много посетителей. Девочка выбрала самый укромный уголок, подальше от окон и дымящих трубками купцов. Заказав себе колбаски, хлеб и кувшин молока, она принялась наблюдать.

Рыжеволосая женщина, что принесла ей завтрак, облокотившись о перила, тихо переговаривалась со своей подружкой. Изредка они посматривали на девочку. Поняв, что речь идет о ней, Леилэ наострила ушки.

– ...Точно тебе говорю, – шептала рыжеволосая. – Лицо красивое такое, тонкое, словно бы девичье.

– Неужели эльфы и в наших краях? – охнула ее собеседница. – Мало нам, что ли, горя...

– Да подмениш она, – со знанием дела вымолвила рыжеволосая. – Эльф зачаровал и похитил бедного ребенка.

– И голодом морит, – поддакивала подружка, скосив глаза на Леилэ. – Вон, гляди, как она хлеб уплетает, бедняжка...

Женщина оказалась права. Здешний хлеб был восхитительным: воздушный, мягкий и сладкий, – его просто невозможно было не «уплестать»! Девочка подавила смешок и откусила кусок побольше.

– Говорят, эльфы любят, когда у детей пшеничные волосы... – продолжила тем временем рыжая.

– Ох, самым невмочь, так они крадут наших... – вставила вторая.

Леилэ фыркнула и отвернулась от глупых болтушек, обратив свое внимание на молчаливых купцов. Мужчины уже закончили трапезу и теперь изучали свои бумаги, задумчиво посаывая трубки. На полу вокруг них валялись обглоданные кости. Обычно их бросают собакам, но тех в помещении видно не было.

От внезапного озарения девочка прекратила жевать и затаила дыхание. Она вспомнила полупустые улицы города. Животных не было и там. Ни одной самой крохотной кошечки, бродячей или сторожевой собаки. Так вот что увидел Мат! В городе нет животных: ни собак, ни кошек, ни даже... крыс!

Леилэ так и подпрыгнула на месте. Ей не терпелось проверить догадку! Медлить было опасно; ведь не ровен час добрые женщины еще догадаются украсть ее «обратно» – в люди. Быстренько прикончив последнюю сосиску, девочка бросила на стол плату и выбежала на улицу.

Она долго бродила по тесным переулкам, замедляя шаг у раскрытых ставен и заглядывая во дворики, рассматривая людей и слушая их разговоры. Эльф учил Леилэ понимать язык полей, лесов и городов. Но в этом городе царила особая тишина. Девочка слышала лишь человеческие голоса: ни писка, ни мяуканья, ни гавканья.

Люди разговаривали в основном о насущном. Женщины обсуждали друг друга и цены на рынке, жаловались на мужей. Мужья бранились на жен, на власть и на тяжелую мужскую долю.

Когда Леилэ проходила мимо одного из дворов, на нее вдруг набросилась женщина в пышной юбке и в белом чепце. Она схватила девочку под руку и, не дав той опомниться, похозяйски потащила прочь с улицы.

«Ну вот, началось: меня все-таки крадут», – подумалось Леилэ.

– Эй! – взвизгнула она. – Что это вы делаете?

– Спасая! – заохала женщина. – Разве ты не знаешь? Детям нельзя появляться на улицах!

Наученная горьким опытом, девочка не стала противиться судьбе, решив поберечь силы. Женщина затолкала Леилэ в дом и, закрыв дверь на щеколду, с искренним облегчением вздохнула.

Девочка огляделась. В помещении было как-то особенно уютно. Здесь ощущались порядок и забота. Окна прикрывали тонкие ажурные занавески, на подоконниках красовались синие фиалки в горшочках. На столе лежала белоснежная скатерть, стулья украшали подушки с вышивкой. К своему удовольствию, вдоль стен девочка приметила полки, уставленные бесчисленными баночками с вареньем. Из соседней комнаты веяло теплом, топленным маслом и медом.

Если бы Леилэ умела чуять витали, она бы сказала, что ее «спасительница» – довольно приятная особа и не представляет опасности. Судя по всему, даже здешний домовый имел добрый нрав. Мат рассказывал, что городская нечисть любит живые цветы и порядок в доме. Но также она и умело прячется, прикидываясь домашней утварью: крынками, горшками, утюгами, полотенцами или домашними животными.

– Называй меня матушка Марта, – представилась женщина, отдышавшись.

– Лизи, – на ходу придумала Леилэ, украдкой озираясь в поисках домового. – Меня зовут Лизи.

– Давай-ка, Лизи, я налью нам компота, – захлопотала матушка Марта. – А ты объясни, почему ты, худышка, нарушаешь приказы градоправителя?

– Мы с моим мастером только сегодня утром прибыли в ваш город и не слышали о приказе, – хихикнула Леилэ. – А почему я худышка, понятия не имею. Честное слово, я много ем!

Она уселась на стул, с интересом рассматривая хозяйку. Светловолосая, пышная и румяная Марта напомнила ей сдобную булочку. Как только девочка об этом подумала, в то же время на столе появился не только обещанный компот, но и горячие булочки с изюмом, пирожки с вареньем и медовые пряники.

– Скажите, уважаемая матушка Марта, а почему градоправитель запретил детям выходить из дома? – поинтересовалась Леилэ.

– Ах, милая, это непростая история, – ответила хозяйка, присаживаясь напротив девочки. – Знаешь ли ты, что наш городок славится пашнями и хлебом?

– Да, я заметила, – с набитым ртом закивала девочка.

– Но этим летом ни с того ни с сего расплодились у нас крысы, – продолжила женщина. – Вредители добрались до запасов зерна. И было их так много, что ни кошки, ни собаки не справлялись!

– Вот как, – с сочувствием промямлила Леилэ, подхватывая с тарелки медовый пряник. – И что же, вы нашли управу?

– Нашли, – горько вздохнула матушка Марта. – Нет теперь крыс... – Она горестно понурилась. – И нет моего доброго кота Карла. У соседей пропал их пес. Все животные ушли из города!

– Так-так... – нахмурилась Леилэ.

– Ох, Единушка не иначе за что-то нас покарает... – всхлипнула женщина, беспокойно разглаживая ладонями белую скатерть.

– Единушка, – заинтересованно повторила девочка. – За что же Он вас покарает?

– Недавно к нашему градоправителю пришел какой-то бродяга-крысолов и предложил ему свои услуги...

– Крысолов? – насторожилась Леилэ.

– Парень-то в общем хороший, пригожий. – Матушка Марта смущенно улыбнулась. – Одет был ярко и пестро – на загляденье... Артист, одним словом! Музыкант!

– Музыкант? – удивилась Леилэ. – Ну надо же...

– И как он заиграл на своей диковинной дудке, – продолжила женщина, – в тот же миг со всех сторон из каждой дыры пошли к нему крысы. И с собой они потащили всякий хлам и мусор, ну точно люди, собравшиеся в долгое странствие! Да так все и побросали: видно, сил не хватило... Бежали крысы как зачарованные, клянусь Единушкой! А за ними следом пошли и собаки, и кошки. Ах, мой бедный пушистый котик Карл пропал вместе с ними...

– И дети пошли? – испугалась Леилэ, припоминая опасения женщины.

– Нет! Пока нет! – взмахнула пухлыми руками матушка Марта. – Но слушай дальше... Градоправитель отказался платить крысолову.

– Почему? – нахмурилась девочка.

– Не знаю, – вздохнула женщина. – Он – глава города, ему и виднее. А гадкий крысолов-то пригрозил, что еще вернется. Вернется и возьмет либо оплату, либо наших деток!

– И, судя по указу, градоправитель платить не собирается? – заключила Леилэ.

Хозяйка покачала головой и всхлипнула.

– Матушка Марта, а вы знаете, куда гадкий крысолов повел крыс? – поинтересовалась ее гостя.

– Ушли они через восточные ворота, ниже по течению реки, – ответила женщина.

– Так-так, а можно мне добавки? – улыбнулась Леилэ, поглядывая на входную дверь. – У вас все так вкусно...

– Конечно, дорогая, – обрадовалась матушка Марта.

Как только она исчезла на кухне, ее маленькая гостя поднялась из-за стола, не забыв, впрочем, спрятать за пазухой несколько пряников. Девочка выскочила на улицу и побежала напрямик к восточным воротам.

Леи не знала, когда именно в город вернется крысолов, что она будет делать при встрече с ним, однако чувствовала острую потребность что-то предпринять.

Светловолосый незнакомец в красной охотничьей шапочке появился на городской площади перед ратушей. Ветер играл в полах его распахнутого кафтана, сшитого, словно мозаика, из пестрых разноцветных лоскутков. В руке мужчина держал серебряную флейту. На его красивых губах застыла улыбка.

– Ну что же, градоправитель, – воскликнул он. – Желаете услышать мою новую мелодию?

Ответа не последовало. Улицы совершенно опустели. Только ветер гонял мусор по высушенной солнцем мостовой. В домах попрятались не только дети, но и родители, старики – все от мала до велика, знатные и простолюдины, богатые и бедные, мужчины и женщины. Ни единой человеческой души не было на улице, ни звука – лишь ветер и серия легких свистов.

Мужчина молниеносным движением запахнул кафтан, и от жесткой ткани отскочило несколько крошечных игл.

– Учти! – крикнул Крысолов, и его глаза вдруг сверкнули, как красные угли. – Второго шанса у тебя не будет!

Он снова широко улыбнулся, а затем поднес к губам диковинную флейту.

Озорная мелодия закружилась в порывах ветра, поплыла над улицами и площадями. Словно оглушающим колпаком, она накрыла весь город. И в этой странной музыке звучал таинственный и грозный глас, к которому нельзя было не прислушаться. Он возвещал о том, что пришел конец всем запретам, что отныне детям позволено забыть об обязанностях, повинностях и уроках. Они вольны обрести свободу от родителей, покинуть дома и уйти куда глаза глядят...

Некоторое время город хранил молчание. Не было слышно ни человеческого крика, ни стоны, ни смеха, лишь веселая мелодия разливалась по улочкам, заполняя каждый уголок опас-

ным волшебством. А затем раздался треск распахнувшихся дверей, звон разбиваемых стекол и стук маленьких каблучков по мостовой.

Одетые и полуголые, кто с недоеденным яблоком в руке, кто с куклой, а кто с отцовским ремнем, дети высыпали на улицы. И родители не могли их остановить. Напрасно они хватали своих чад за подолы юбок, за рукава и штанишки, за курточки и косы. Те вырывались и дрались так неистово, будто вспомнили все тумачи и подзатыльники, полученные от взрослых.

Крысолов играл на флейте, бодро шагая к восточным воротам, а за ним, стекаясь со всего города, послушно тянулась вереница мечущихся в танце детей. Они прыгали и взмахивали руками, словно безумные, ударялись друг о друга, падали и топтали упавших. Не в силах ни крикнуть, ни заплакать, они следовали за мужчиной в пестром кафтане и в красной охотничьей шапочке.

А онемевший, враз обессилевший эльф только и мог, что беспомощно наблюдать из укрытия за разворачивающейся трагедией. У него не было сил не то что поднять руки, но даже вдохнуть полной грудью. Тяжелая зловещая мелодия распластала его по крыше одного из домов, что окружали главную площадь.

И сильнее магии его терзала горькая обида. Он не верил в свое поражение. Этого быть не должно, как и не было за последние без малого сто лет! Но враждебное чародейство действовало на эльфа даже сильнее, чем на простых горожан. Оно парализовало мужчину, словно раскаленными прутьями сковало его мускулы. Оно, как и любая магия, несло для Мата Миэ смертельную угрозу.

В то же самое время в другой части города маленькая Леилэ плясала и прыгала в такт веселой мелодии. В ее глазах полыхало зеленое пламя, а плотно стиснутые губы дрожали от злобы. Повинуясь звукам флейты, она вдруг с новой силой возненавидела свое детство, своих позабытых было близких...

От всей души Леилэ ненавидела ложь, ненавидела вавшего ей Друговского и не рассказавшую всей правды Белову. Она ненавидела эльфа Мата Миэ за его секреты. Но больше всего сейчас она ненавидела себя – за слабость, самонадеянность и глупость! Какая же она идиотка, если позволила так вот просто заставить себя танцевать этот утомительный танец под совершенно дурную мелодию!

У восточных ворот девочка присоединилась к толпе детей. В самом ее конце плелись двое мальчишек. Один из них сильно хромал, другой – совсем кроха, не старше двух лет – просто не поспевал за остальными. Леилэ хотела было схватить его за руку и выбросить прочь из толпы, но тело совершенно не подчинялось ее воле.

Девочка промахнулась мимо мальчугана, закрутилась юлой, упала, ударившись боком о жесткие камни мостовой. Но, даже не пискнув, тут же снова подпрыгнула на непослушные ноги и поспешила вслед за удаляющимися детьми.

Они покинули город и направились к реке. Там, между холмами, в камышах, была привязана лодка.

Леилэ скрипнула зубами. Что бы сделали на ее месте Принц и рыжая морячка? Разве они допустили бы такое негодяйство? Нет! Они герои. Про них написаны сказки! Чем же она хуже?

Леилэ вдруг стало невыносимо жарко. Она удвоила ритм танца, грациозно кружась между детьми, покрасневшими, всклокоченными и мокрыми от пота. С каждым шагом она приближалась к флейтисту.

«Я герой! – повторяла она снова и снова. – Я не ненавижу себя, не ненавижу Мата Миэ! Я благодарна судьбе за приключения! И я ненавижу лишь тех, кто встает у меня на пути! Моя ненависть направлена на моих истинных врагов! Потому что я герой! И я сама пишу свою сказку...»

Крысолов, а за ним и все дети поднялись на холм, поросший кустарником. Кто-то из малышей падал и уже не мог подняться. Продолжая, словно заклинание, проговаривать свои мысли, Леилэ все ближе и ближе подбиралась к врагу.

И вдруг она поняла, что вновь обрела голос и произносит слова вслух, будто становясь все сильнее с каждым мигом. Она ощутила, что движения ее тела – уже не простые хаотичные взмахи руками и ногами: она танцует, делает осмысленные фигуры.

На мгновение ей даже приглянулась веселая мелодия, под которую дети вокруг нее яростно толкались и топтали друг друга. Грудь девочки наполнила радость. Подпрыгивая и кружась, она запела в такт чародейским звукам.

Леилэ пела все громче и громче, словно вбирая в себя силу, что издавала флейта. Услышав ее голос, мужчина обернулся. В этот момент между ним и девочкой оставались уже считанные шаги. Видя недоумение на лице врага, Леилэ громко рассмеялась и кубарем бросилась ему в ноги.

Крысолов упал на спину. А его флейта, описав в воздухе полукруг, исчезла где-то в кустах. Чары рассеялись, и дети повалились на землю без чувств.

Леилэ подскочила на ноги. Музыкант тоже успел подняться. Его синие глаза вдруг стали красными, словно у крысы, а красивое лицо сморщилось в гримасе. Он сделал шаг по направлению, в котором исчезла его волшебная флейта, но тут Леилэ снова запела.

Она пела его собственную мелодию, и голос ее звенел даже пронзительнее, чем могла бы сыграть серебряная флейта. Девочка вкладывала в эту песню все гнев и презрение, которые она испытывала к взрослым и к этому человеку, что так жестоко обошелся с детьми.

Крысолов раскрыл рот и пошатнулся. Из его горла вырвался сдавленный крик, руки и ноги его сами собой пошли в пляс. А Леилэ, напевая песенку, вприпрыжку поскакала к реке, и за ней вприпрыжку же двинулся плененный ее голосом мужчина.

Девочка пела и смеялась, от души забавляясь нелепым зрелищем. Крысолов, взмахивая ногами и руками, неуклюже следовал за ней. Леилэ отвязала лодку, оттолкнула ее от берега, запрыгнула внутрь и только после этого перестала петь.

– Ну что! – крикнула она. – Продолжим наши танцы или ты сдаешься?

– Да кто ты, леший тебя дери, такая? – рявкнул Крысолов, тяжело дыша.

Его глаза вновь стали синими. Красную шапочку мужчина потерял где-то на вершине холма, так что его светлые, влажные от пота кудри топорщились в разные стороны.

– Я странница, – важно улыбнулась девочка. – А вот кто ты такой? И зачем тебе убивать детей? По-твоему, это достойно?

– Не твое дело, малявка! – крикнул Крысолов.

– Ах, не мое?! – рассердилась Леилэ. – Да я сейчас тебе такую песенку спою, что последний танец ты исполнишь на забаву водяным!

– Вот я только доберусь до тебя! – пригрозил мужчина и добавил к угрозам еще пару крепких ругательств, от которых у девочки покраснели уши.

Она попыталась было запеть, но закашлялась – охрипшее от громкого пения и крика горло не смогло больше выдать ни одной чистой ноты. А Крысолов, ухмыляясь и бранясь, направился сквозь камыши напрямик к лодке. Леилэ схватилась за весла, но расстояние было слишком мало.

– Попалась, ведьма! – рявкнул мужчина. – Вот я сейчас сломаю твою цыплячью шейку! Утоплю!

Леилэ взвизгнула, колотя веслами по воде, но Крысолов был уже совсем близко. Он оперся руками о края лодки, неистово раскачивая ее. Девочка собралась было прыгать за борт, как вдруг мужчина умолк и плюхнулся в воду. Позади него на берегу стоял эльф, держа в руках свою «флейту».

– Мат! – крикнула Леилэ, снова закашлялась и расплакалась.

– Рад, что ты цела, лисенок, – улыбнулся он.

Девочка выбралась из воды, и вместе они поднялись на холм, где все еще в беспамятстве лежали дети. Со стороны города уже спешили их родители. Леилэ принялась рыскать по кустам в поисках флейты. Как бы гениально ни играл на ней Крысолов, всегда может найтись еще один такой же умник.

Девочка доползла до откоса, усаженного колючим терном, и вдруг увидела настоящее чудовище. Из кустов на нее таращились два огромных небесно-голубых глаза, полные страха и отчаяния. Все остальное было комком грязно-белой спутанной и слипшейся в сосульки шерсти, местами вырванной и ключьями повисшей на шипастых ветвях.

– Карл? – предположила Леилэ.

– Мяу, – ответил Карл.

Похоже, что кот послушно следовал за флейтистом, но из-за слишком пушистой шубки не смог преодолеть терновые кусты. Немилосердно запутавшись в них, он так и просидел там без малого три дня. Флейта лежала неподалеку. Вот так удача!

– Мат, – осторожно сказала Леилэ, – откуда ты знал, что именно в этом городе понадобится твоя помощь? И как ты понял, кого из негодяев нужно было убить?

День клонился к закату. Было тепло, и дождя больше не предвиделось. Они устроились у склона холма, слушали, как потрескивает огонь в костре, пили парное молоко и доедали булочки с изюмом. Несмотря на тяжелый день и даже отказ градоправителя в оплате, Мат Миэ пребывал в благодушном настроении.

Впрочем, благодарность они все-таки получили – от матушки Марты. Детей у женщины не было, «матушкой» ее прозвали за тепло и доброту, которыми она щедро делилась со всеми вокруг. И конечно же, женщина очень любила своего белого кота Карла. А еще она великолепно готовила медовые пряники и сдобные булочки.

На этот раз Мат не стал злиться. В ответ на запрещенный вопрос он только отшутился:

– Послушай, Леи, тебе не кажется, что ты ешь слишком много мучного?

– Ты прав, – кивнула Леилэ, плотоядно улыбнувшись. – В моем рационе явно не хватает мяса!

Они вместе посмеялись.

– Ты ведь не думаешь, что после всего случившегося я все еще не понимаю, чем ты занимаешься, Мат? Ты охотник, да, но не из тех, что охотятся на оленей или уток...

Эльф перестал улыбаться, хмыкнул и отвернулся, всем своим видом демонстрируя, что разговор продолжать не намерен. Конечно, он прекрасно понимал, что рано или поздно девочке придется узнать ответы на свои вопросы. Таковы были законы любой жизни, родись ты бродяжкой или принцессой. Но сейчас, с высоты своих лет, он смотрел на Леилэ как на маленькую девочку, на ребенка, которому еще рано становиться взрослой. Одно дело – убивать животных на охоте, и уже совсем другое...

– Неужели ты думаешь, что я настолько глупа, – настырно продолжала Леилэ, – и не вижу, зачем мы проходим через эти города? И твое оружие... Это оружие не простого охотника на зверушек, но... убийцы.

Эльф молчал, задумчиво рассматривая спутницу. За время их странствий она окрепла и загорела. Ее золотистые волосы стали еще длиннее и сейчас в теплом свете заходящего солнца казались нежно-розовыми. Несмотря на то что сегодня девочка чуть не погибла, испуга она не выдавала, лишь строго хмурилась и держалась очень деловито. Все это Мат нашел милым.

– Поверь, – взмолилась она, – я же не какая-то там избалованная принцессочка, которая боится вида крови. Я хочу помогать тебе! Знаю, как обращаться с оружием. Я учила не только языки, но и анатомию. А еще занималась фехтованием. Ты мог бы купить мне меч. Я отработаю! Даже если и не получится поначалу, я быстро всему учусь, и...

– Леи, ты не осознаешь того, о чем просишь, – прервал ее Мат. – Не стану с тобой спорить, ибо ты права. Но ты должна понять, лисенок... это тяжелый путь. Необходима веская причина, чтобы сделать первый шаг по нему. И назад дороги ты уже никогда не отыщешь...

– Ну ладно, – горько вздохнула Леилэ. – Признаюсь, я была с тобой не до конца откровенной.

Мат нахмурился.

– Да! – в сердцах крикнула девочка. – Я уже проделала очень длинный, очень... невероятный путь! И я не поверну назад! – Она помолчала, а немного успокоившись, с мольбою в голосе продолжила: – В этом мире у меня есть только ты, Мат. Я всем обязана тебе. И я не хочу быть какой-то обузой...

– Сейчас, – тихо проговорил эльф, – ты всего лишь человеческое дитя. Если на нас нападут, тебя попросту не заметят. Но когда у тебя в руках окажется оружие, для нападающих, будь то законники, бандиты или, упаси боги, мстители, ты станешь мишенью. – Мат вздохнул, опустив голову и какое-то время сосредоточенно рассматривал огонь в костре. – Быстро учишься? – сказал он, снова взглянув на спутницу. – Так вот, времени на учебу у тебя не будет. С мечом в руках ты либо убийца, либо жертва. Убей или будешь убита! Таков мир.

Леилэ внимательно посмотрела в зеленые глаза эльфа – в точности так же, как и он сам, бывало, заглядывал в ее.

– Твоим... – тихо произнесла она. – Твоим безоружным близким, которых убили люди, этот закон не помог, так ведь?

Мат скрипнул зубами, но ничего не ответил. Вместо этого он встал и скрылся в зарослях кустарника.

– Поэтому ты вдруг согласился помочь этим людям, так? – крикнула ему вслед Леилэ. – Это ведь не первый город, где Крысолов губит детей?! Да пусть лучше меня убьют, чем заставят делать то, чего я не хочу! Я уже не ребенок, ты ведь понимаешь, Мат! Я убивала – и убью снова, когда придется!

Ах, если б она могла рассказать эльфю всю правду про свой мир и про ту таинственную силу, которая вдруг появилась в ее голосе! У нее ведь была возможность расправиться с мерзким крысоловом. Она могла убить его, могла! Но... пожалела. И сама чуть было не погибла. Но вместо этого ей пришлось снова врать.

Леилэ всхлипнула и сказала уже тише, только самой себе и сгущающимся вокруг костра сумеркам:

– Я сделала свой выбор. Я там, где должна быть.

Подумав, она добавила:

– Клянусь Единушкой!

9. Пробуждение

В Черном лесу, на поляне, омываемой семью ручьями, стоит избушка. С виду простая: из дерева стены ее, крыша мхом поросла.

Но, ежели ты заплутал, не жди гостеприимства хозяйки. Ведьма та служит силам ночи. А изба ее стоит на костях да на черепах человеческих. Обманом, красотой своей и сладкими речами заманивает хозяйка уставшего путника и испивает из него всю силушку мужскую.

С виду ведьма молода да пригожа, однако годов ее и не сосчитать. Говорят, что была она всегда и видела, как из юной поросли поднялся сам Черный лес.

Помни сей сказ и сторонись той избушки!

«Сказания предгорий Аркха»

– Ну же, Леи! Вставай! – прикрикнул Мат, играючи вращая ветвью, которая сейчас служила ему мечом.

Удар, снова удар. Девочка рухнула на песок.

– Поднимайся!

Удар – падение.

– Вставай!

Девочка поднялась на ноги и в который раз забралась на бревно. Балансируя на нем, она покрепче сжала в руке импровизированное оружие, вторую руку отвела назад для баланса и снова аккуратно, шагком за шагом, двинулась в бой.

От усталости у нее перед глазами плясали искры, в ушах звенело.

– Ударила – расслабилась, – строго прикрикнул эльф, то приближаясь, то удаляясь, но все больше расплываясь перед глазами. – Держи баланс! Расслабься! Пружинь! Дыши!

– Не могу больше... – простонала девочка. – Мышцы не слушаются...

– А как ты думала? – усмехнулся ее учитель. – Устало твое тело, но оно обязано подчиниться твоей воле!

– Не могу... больно...

– Боль – это сила! Используй ее! Сделай боль союзницей!

В ответ Леилэ только глубоко вздохнула и, стиснув зубы, снова пошла в атаку.

С раннего утра она, точно коза, скакала по бревну, которое, на горе ей, вынесла на берег морская волна. Накануне девочка бегала по камням, поросшим скользкими водорослями. А до того Мат заставил ее нападать на самого себя, прячась в засаде за деревьями, в кустах и прыгая с ветвей. Это были скорее уроки акробатики, чем фехтования.

– Не цепляйся за оружие, оно не удержит тебя на ногах, – поучал Мат. – Меч – не кость, а ты – не голодная дворняга. Нежнее! Представь, что это маленькая птичка. Ее нужно удержать в руке, не сломав кости.

Его палка теперь уже гораздо медленней просвистела у самого носа девочки.

– Ма-ат... меня сейчас стошнит, – предупредила Леилэ, скорее отмахиваясь, нежели парируя удар.

– Тебе мешает скованность, – продолжал эльф, не обращая внимания на ее жалобы. – Она забирает силы и лишает маневренности! Расслабься!

Леилэ собралась с последними силами и пошла вперед. Она ударила, отбила, снова ударила и расслабилась, как ей было велено. Но палка выскользнула из ее ослабшей руки. Неловко споткнувшись об нее, девочка запуталась в собственных ногах и, как деревянный чурбан, рухнула с бревна прямо носом в песок.

Песок ее не смущал. Не смущал даже сапог эльфа, победоносно взгромоздившийся пониже спины поверженной. Ничегошеньки Леилэ не смущало. Похоже, расслабились не только ее мышцы, но и гордость. Девочка лежала на животе и, шумно дыша, наслаждалась долгожданным покоем.

– Слабачка, – фыркнул мужчина, а затем мягко улыбнулся присущей только его племени улыбкой. – Ладно, вставай. Не так уж все и плохо...

– Ты убьешь меня тренировками раньше, чем мстители успеют понять, что у эльфа-наемника появилась помощница, – пожаловалась Леилэ, подползая к разложенному неподалеку костерку.

– Некрасиво, – напомнил Мат. – Лишь невежественные люди называют таких, как мы, наемниками. Запомни, между собой мы называем друг друга охотниками.

– Но ведь ты... – Леилэ прикусила губу. – Ты работаешь за деньги.

– Мне нужны лузы, – согласился эльф. – Однако я делаю то, что делаю, подчиняясь Закону Единого.

– Как и лисы, убивающие больных зайцев, – вспомнила Леилэ, отряхиваясь от песка. – Мы охотники!

– Пока ты – лишь обуза, – усмехнулся ее наставник.

– Я стараюсь как могу, – вяло огрызнулась девочка.

– Не шипи, детка, – ответил эльф, подбрасывая дров в огонь. – Это твой выбор, помнишь?

Бухту, где они устроились на ночлег, окутали сумерки. Теплый ветер с берега приносил ароматы степных трав и трели сверчков. На ужин у них были креветки и родниковая вода.

– Спокойной ночи, Леи, – произнес Мат, когда с дарами моря было покончено. – Не забудь разбудить меня, когда почувствуешь, что засыпаешь. Чтоб не было, как в прошлый раз...

– Подумаешь... – девочка хмыкнула и принялась прибираться.

Только-то и было в прошлый раз, что какая-то зверюга чуть не съела их сухари да сушеные грибы. Велика потеря! Леи тогда сильно утомилась после тренировок и всего лишь на минуточку прикрыла глаза... Но сегодня она устала как-то по-особенному.

Споласкивая посуду в воде, Леилэ попыталась подсчитать, сколько же месяцев прошло с тех пор, как она впервые увидела Мата. Но из-за постоянного лета время от нее ускользало. Они все время находились в пути, куда-то шли, ехали сквозь десятки городов и деревень, а вокруг них было вечное лето: плодоносящие поля и сады, леса, полные ягод, грибов и зверья.

Воспоминания в голове у девочки путались. Ей казалось, что столицу Энсолорадо – Город сотни белых башен, где на них впервые вышли мстители вингенсы, – они покинули сто лет назад. В самом городе Леилэ не была, Мат оставил ее на опушке леса. Оттуда девочка видела лишь южные ворота в виде двух смыкающихся полусолнц и невероятных размеров гору, на которой был возведен сам город. В этом огромном многоступенчатом муравейнике Мат успешно устранил самого Верховного жреца – главу ордена Единого.

Леи уже знала, что Единый – это Создатель всего на свете, в том числе других богов, духов и хранителей. Его храмы и монастыри частенько встречались у них на пути. Вера в Единого Создателя приобрела популярность после объединения Энсолорадо. Единоверцам запрещалось враждовать друг с другом. Всем принявшим единую религию и единую власть обеспечивалось бесплатное начальное образование.

Монахи Единого носили темно-синие одежды, а жрецы – белые со знаком солнца на спине. И те и другие с помощью молитвы умели преобразовывать силу витали в магию. Но, в отличие от мстителей, они владели лишь мирным волшебством, которое называли аурами.

Мат рассказывал Леилэ, что кроме официального ордена Единого были еще и отщепенцы – так называемые мракоборцы. Эти тоже называли себя орденом и поклонялись Единому, однако, как следовало из названия, мракоборцы боролись со всем, что считали мраком.

И поскольку определение «мрака» было весьма расплывчатым, кое-кто причислял мракоборцев к простым бандитам.

Сама девочка никому не поклонялась. У нее просто не было такой привычки, ведь в ее родном мире о богах не помнили. Леилэ не знала ни молитв, ни гимнов. Однако она не сомневалась в существовании духов и богов. А с Единым иногда разговаривала, потому что ощущала потребность кого-то поблагодарить за всю ту красоту, которая ее окружала...

Убийство Верховного жреца, конечно, дело нешуточное! Но эльф объяснил, что негодяй нарушил Законы Единого и потому должен был умереть. Больше Мат Миэ не распространялся о задании и его причинах, а послушная Леилэ не навязывалась с расспросами. Она помнила, что ее наставник – не просто наемный убийца, но охотник – сьидам.

Вздыхнув, девочка подняла глаза к ночному небу. На краю восточного горизонта раскрыли крылья созвездия Дракона и Феникса, на севере застыл в прыжке Единорог, выше плыли Малые Рыбки. Но ярче всех на черном полотне переливалось созвездие самого Охотника. Сьидам как будто подмигивал Леилэ тремя глазами – своими самыми крупными звездами: Кайкэс, Мутэс и Сурдэс⁴.

Девочка вспомнила, что «сьидам» иногда переводят как «рыбак», почему – она не знала. Она не знала, есть ли в этом мире драконы, фениксы или единороги. Леилэ не знала очень многого, это и пугало ее и злило одновременно.

Она взглянула на себя со стороны: худенькая девочка в мальчишеской одежде – кто она, почему попала именно сюда? И самый главный вопрос, которого Леилэ не могла расслышать в себе ранее, но который обязана была задать Беловой: зачем она здесь? И зачем та другая там? Зачем?!

В поисках успокоения девочка решила прогуляться. Она встала и направилась подальше от костра. Дойдя до края пляжа, девочка сбросила одежду на песок. Она вбежала в темную воду и, набрав полную грудь воздуха, нырнула.

Леилэ никогда не училась плавать, но, однажды оказавшись в воде, она почувствовала, что знает, как держаться на ее поверхности и нырять вглубь. Мелодию витали моря она слышала и понимала лучше других. Леи точно угадывала, где можно купаться, а где это делать опасно.

Иногда перед тем, как войти в воду, нужно было попросить разрешения у духов, обитающих в этом месте. Обычно им было достаточно и доброго слова. Но прибрежная нечисть, отличающаяся от бесплотных духов большей кровожадностью, порой показывала характер.

Мат учил девочку, что в гости следует приходить с такими дарами, которые могут приятно удивить хозяев. Привычных к рыбе водяных можно задобрить птицей или кроликом, лесной нечисти нравятся разноцветные бусы и ленты, а домовые с особым трепетом относятся к букетикам диких цветов. Именно поэтому хорошие хозяйки частенько украшают дом свежими букетами.

Ученица все хорошенько запомнила, но убивать кроликов ради водяных не желала. Вместо этого она собирала перья птиц и вплетала их в бусы, обвязанные красными лентами, которые указывали, что это украшение предназначено в дар нечисти. При помощи камешков Леилэ старательно закрепляла подношение на границе между сушей и водой, произносила особые слова и со спокойной душой шла плавать.

Ученица эльфа обожала нырять. Бывало, она подолгу рассматривала подводный мир. Но больше всего девочка любила ночные купания. Тогда в теплой воде Белого моря зажигались тысячи живых огоньков, и создавалось ощущение, будто бы лежишь посреди звездного неба...

⁴ Кайкэс – слепота, Мутэс – немота, Сурдэс – глухота – основные принципы сьидам: беспристрастность, доверие исключительно внутреннему чутью.

Леилэ погружалась все глубже и глубже, а найдя необходимый баланс, перестала грести и расслабилась. Паря между холодными и теплыми течениями, она наслаждалась ощущением невесомости и полета. Девочка знала, что, не угадай она с глубиной, – тело против ее воли пойдет дальше, ко дну. И все же она прикрыла веки.

Тяжелая густая тьма приняла ее в объятия. Мрак поглотил тревожные мысли и чувства. В нем растворились все метания и сомнения. Сердце забилося медленно и уверенно, а в голове воцарилась пустота. На миг Леи будто стала морской водой – безбрежной стихией, спокойной и умиротворенной.

Затем во тьме вспыхнули звезды – бессчетное множество сияющих огней расцвело вокруг Леилэ. Они кружились под дивную музыку и складывались в сотни знакомых и неведомых девочке созвездий. Дракон преследовал Феникса, а тот гнался за Единорогом, но все трое убегали от Охотника. И только Рыбки плыли по течению, безразличные ко всему.

На грани сознания Леилэ промелькнула тревожная мысль: ты тонешь! Но мышцы не послушались. Верх и низ смешались, перепутались. Звезды стали ближе. Их свет острыми иглами пронзил Леилэ. И в спину ей ударил поток холодного ветра.

Девочка ахнула и тут же с громким плеском упала обратно в воду. От неожиданности она чуть было не захлебнулась. Не понимая, где и почему находится, Леилэ принялась шумно барахтаться, хлопая по воде руками и ногами.

Замерзшая и перепуганная, она кое-как доплыла до берега и выбралась на сушу. От самой груди и до колен ее пронизывала тяжелая боль. Внизу живота будто полыхал огонь.

– Водицы соленой хлебнула? – раздался над ней сердитый голос Мата. – Говорил же тебе, будь осторожной с морем.

– Больно... – задыхаясь, выдавила Леилэ, прижимая руки к животу.

Заметив на ее бедрах темно-алые разводы, мужчина опустился на колени и накрыл дрожащее тельце девочки плащом. Леилэ стучала зубами и кашляла, а эльф растирал ее плечи и спину, чтобы согреть.

– Тише, тише, – шептал он. – Твоя сила проснулась. Это больно. Но не бойся...

– Что происходит, Мат? – всхлипнула девочка. – О чем ты говоришь? Я не понимаю... Почему так больно? Я ранена? Я умираю?

– Все хорошо, малышка, – с улыбкой ответил эльф. – Вовсе ты не умираешь. Напротив, теперь ты сможешь дарить жизнь... Ты стала девушкой.

* * *

– Значит, пробудилась ее сила... И что же переменялось с тех пор?

В полумраке светились зажженные лучины. Под низким бревенчатым потолком плыл дым. Воздух наполнял летний аромат развешанных по стенам сушеных трав и цветов. Снаружи было холодно, моросил дождь, и потому жар, идущий от натопленной печи, казался поистине волшебным дурманом.

Эльф глубоко вдохнул тепло и сделал глоток целебного отвара. Он все еще с трудом дышал. Легкие и горло саднило, а уши словно заткнули мхом.

– Расскажи же мне все с самого начала, – попросила хозяйка избушки. – Где ты ее встретил? И почему решил взять с собой?

– Я шел лесной тропой вдоль Беломорья и вдруг услышал ее голос, – проговорил эльф. – Она пела на незнакомом мне языке. Мелодия была прекрасной, а ее голос – таким сильным... Поначалу я и подумать не смел, что это человеческое дитя. Я захотел рассмотреть ее и начал подпевать, чтобы она издали узнала о моем приближении и не испугалась. А затем наша песня стала... единой.

– словно два сердца нашли друг друга? – лукаво улыбнулась его собеседница.

Несмотря на почтенный возраст женщины, отметивший легкой сетью морщин лоб и уголки глаз, ее серебристые волосы буйными кудрями ниспадали на плечи, а янтарно-карие глаза озорно поблескивали. Хозяйка бросила в котел щепотку измельченных трав. От их запаха у эльфа голова пошла кругом, но заложенность в ушах исчезла.

– Затем я увидел ее, – продолжил он рассказ. – Знаешь, у этой девочки был такой удивленный вид... Как будто с самого рождения она ни разу не выходила на воздух. Бледная, худая... и ее глаза... – Мужчина вздохнул. – Они рассказали мне: чтобы обрести свободу, девочке пришлось убить.

– Ох, что-то мне это напоминает, – усмехнулась женщина.

Эльф нахмурился и отвернулся.

– Кого ты пытаешься увидеть в этом человеческом дитя? – покачала головой травница. – Свою дочь? А может, будущую любовницу? Я чую ее запах в твоих волосах... О-о, человечьи дочери так быстро взрослеют...

– Молчи, ведьма, – прошипел эльф и зашелся в приступе кашля.

Женщина рассмеялась низким бархатным смехом.

– Так что же, в ее погребке было полно ученых книг? Вам ведь удалось найти единый язык?

– Верно, – кивнул мужчина. – Девочка оказалась умной, способной, хотя, – он хмыкнул, – поначалу даже не знала, с какой стороны подойти к стирке белья.

– Так тебя напугала принцесса с ведьмовским голоском? – сладко улыбнулась женщина.

Эльф допил отвар. Спазм немного отпустил его горло.

– Я достаточно заплатил тебе, Айла, – сердито произнес он. – Серебряная флейта – не игрушка. Не играть и не шуточки шутить я к тебе пришел.

– Тише-тише, милый, – ласково проговорила Айла. – Я сделаю то, о чем ты просил меня. Я загляну в нее. Ты сполна уплатил за мою работу и за прошлые долги, Мат Яти'Миэ Мертэза.

Женщина поставила перед ним дымящуюся тарелку горячего супа и, нежно обняв за плечи, наклонилась к самому его уху:

– Но имею же я право на небольшую ревность, а?

Мат Миэ прикрыл глаза и расслабился, на мгновение позволив себе насладиться теплом и мягкостью ее прикосновения.

– Так что же изменилось, Мат? – промурлыкала женщина. – Расскажи мне, что натворила твоя человечья подружка?

Эльф лениво поморщился. Но зная, что Айла самое сладкое всегда оставляет напоследок, он начал рассказ:

– Чтобы не оставлять следов, мы следовали по реке. Однако они все равно нас выследили. В самой чаще леса. Проклятая магия... Ты знаешь, я совершенно не переносу ее.

– Стой, – скомандовал Мат, натягивая поводья и прислушиваясь.

Щебетанье лесных птиц неуловимо переменило мелодию. Теперь и Леилэ это заметила.

– Мы окружены, – прошептал эльф. – Живо на дерево. И ни звука.

Они спешили, Мат хлопнул лошадей по крупам, и те исчезли в полумраке леса. Хватаясь за ветви, Леилэ ловко забралась по смолистому стволу ели. Мужчина последовал ее примеру. Через некоторое время они увидели силуэты преследователей.

Вингенсы вышли из теней, словно призраки, обретшие плоть. Они приближались со всех сторон без опаски, не прячась, как будто были бессмертными. Люди в белых сюрко⁵ поверх кольчуг сжимали в руках длинные посохи, но под плащами у них мелькали и мечи. Это были боевые чародеи, в обозримой видимости – не меньше двадцати человек.

⁵ Сюрко – длинный и просторный плащ-нарамник, часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длиной чуть ниже колен, имел разрезы в передней и задней частях, без рукавов.

Чем ближе подходили мстители, тем плотнее становился воздух вокруг.

«Они плетут магические ауры», – догадалась Леилэ, ощущая неприятную тяжесть в груди.

Но тут несколько мужчин рухнули как подкошенные, и невидимая хватка ослабла. Однако пустующие места заняли новые чародеи, а за их спинами появились лучники.

«Только без паники, – напомнила себе Леилэ. – Это все игра, только игра. И мы с Матом ее не проиграем!»

Лес накрыла мертвая тишина. Замер даже шелест ветра. И в этой тишине раздался легкий свист. Еще двое мужчин в белом упали замертво. Но погибших на этот раз было меньше, чем выпущенных дротиков.

Шедшие впереди чародеи подняли свободные руки ладонями вверх, а воины за их спинами вскинули луки на изготовку. В глазах у Леилэ помутилось. Она почти физически ощущала, как невидимый взгляд буравит ветви, выискивая наемника и его ученицу.

Ах, если бы сейчас было под рукой хоть какое-то оружие, она бы искромсала жилы, спутавшие пространство. Леилэ так живо чувствовала их, точно они врезались в ее руки, ноги и обвивали шею. Но какое оружие может справиться с чародейскими аурами?

Флейта! У них есть серебряная флейта, а Мат так чудно играет! Почему он не хочет воспользоваться волшебным инструментом? Он же держит его при себе.

Снова прозвучал едва различимый шелест – мимо. Оно и понятно, невозможно было даже шевельнуться, не то что попасть в цель. На этот раз никто не упал, а руки-глаза – и за ними стрелы, наложенные на тетивы, – устремились в сторону ели, в ветвях которой притаился Мат.

Вот-вот просвистит стрела, и эльф замертво упадет к ногам врагов! А Леилэ будет следующей или, того хуже, останется одна в этом дремучем холодном лесу.

Девушка зажмурилась – от сильного головокружения ее начало подташнивать. Чужая воля, словно грубая рука, сдавила ее горло, желудок и легкие, перекрывая течение витали. В ушах зазвенело. Мышцы окаменели от боли.

Не в силах больше сопротивляться, Леилэ разжала пальцы и, охнув, соскользнула вниз. Еловые ветви мягко ловили ее безвольное тело одна за другой до тех пор, пока Леилэ, чудом не повредившись, не рухнула на мягкий ковер мха.

Вингенсы повернулись к ней. Лежа на спине, широко раскрыв глаза и хватая воздух пересохшими губами, она видела, как смыкается вокруг нее кольцо солдат. Сквозь слезы и сумрак покидающего ее сознания девушка смотрела на безликие белые силуэты: толпа – живая стена. Живая стена из людей. Из мальчишек – глупых старшеклассников.

«Нет!»

Они не отпустят ее. Им нужно развлечение! Им нужно, чтобы Васька плакала... Ведь она не такая, как они, не такая, как все. И она должна поплатиться за это!

«Нет! Отпустите меня!»

Им нужно, чтобы Васька пела.

«Пой, Васька, пой!»

Кольцо сжималось.

«Отпустите!»

«Пой!»

Настоящее и прошлое смешались. Мстители склонились над девушкой, но их лица она не различала. Она видела силуэты одноклассников, учителей. Белые пятна. Врачи в белых халатах.

«Нет!»

«Пой!»

«Нет!»

«Пой! Пой!»

...И Леилэ закричала. Она закричала что есть мочи, на последнем издыхании. Закричала так, что заложило уши.

Вздрогнул воздух, захлопали изумрудные ветви елей и затрещали сучья. В лесу поднялся переполох! Из нор и расщелин брызнули мыши, змеи и белки. Вторя Леилэ тысячами голосов, разлетелись птицы. Эхо крика раскатом пронеслось по лесу, отразилось от далеких серых скал Аркха и вместе с ледяным ветром вернулось обратно. Ветер закружился и заметался среди деревьев безумным воем – нечеловеческим призрачным плачем, от которого в жилах стыла кровь...

Хватка ослабла. Кольцо рассыпалось. Маги, окружавшие Леилэ, упали без чувств. А она подскочила на ноги и, схватив чей-то короткий меч, бросилась в атаку. Словно молния она ворвалась в ряды тех, кто еще держался на ногах; не давая опомниться, рубя не людей, но те невидимые путы, что связывали их, создавая могучее смертоносное волшебство.

В то же самое время один за другим стали падать лучники. Дротики Мата Миэ без промаха находили незащищенные участки человеческой плоти.

Воздух наполнился запахом страха. Запах чужого страха был великолепен!

Леилэ ощущала себя как никогда сильной, почти всемогущей. Кто-то из чародеев схватился за меч. Но она, тонкая и верткая, без труда уходила от атак, иногда отражая удары, продолжала выискивать уцелевшие нити в волшебной паутине и рассекать их. Леилэ знала, что с людьми управится Мат, а она – и ведь больше некому – должна как можно быстрее обезвредить их магию.

Оставшиеся чародеи – те, что были заняты поиском эльфа, – недостаточно быстро поняли, в чем дело. Когда мужчины в белых плащах обернулись к Леилэ, от их магического оружия не осталось и следа. Гордо подняв голову и нахально усмехаясь, на них смотрела молодая девушка с растрепанными волосами и горящими глазами.

– Во имя Единого, это еще что такое? – прошептал один из чародеев.

Их оставалось трое.

– Ух-ходите, – раздался позади них голос эльфа. – Забирайте своих и уматывайте...

Сперва Леилэ даже не узнала голос учителя – он больше походил на кошачье шипение, чем на речь. Мат Миэ спустился, почти рухнул с дерева. Он едва стоял на ногах. Дыхание его было тяжелым, а лицо побелело, словно мел.

«Что? Уходите? Он хочет отпустить их?!» – ужаснулась Леилэ.

Двое магов сделали шаг в сторону, но самый высокий из них скривился в презрительной усмешке:

– Мерзкий наемник, как смеешь ты повелевать...

– Вон, – выдохнул Мат.

«Глупость! – подумала Леилэ, вскипая от гнева. – Они же убьют нас!»

– Какое милосердие, – рассмеялся мститель. – Однако, как я погляжу, ты еле живой, а нас трое против...

Он не успел закончить, Леилэ оттолкнулась от земли и сделала финт, целясь в голову. Не позволив их мечам соприкоснуться, она увернулась, нанесла короткий удар в живот и отпрыгнула, готовая к новой атаке.

– Ненавижу... – со злобой выдохнула девушка.

Высокий чародей захрипел и тяжело повалился на землю. Оставшиеся двое развернулись и припустились прочь.

– Ненавижу вас! – взвизгнула Леилэ им вслед.

И вингенсы упали. Рухнул без сознания и Мат Миэ.

За окном собирались сумерки, моросил осенний дождь, но в избушке было жарко. В печи пел огонь, а воздух наполнял сладкий аромат летних цветов.

– Это невозможно, – ласково улыбнулась женщина. – Должно быть, ты переутомился, друг мой.

Она откинула назад серебристые волосы и наклонилась к лицу мужчины. Быстрым движением эльф стянул с нее рубаху и, прижав к себе стройное тело, коснулся губами плеча.

Айла пахла травами, дождем и дымом. Ее кожа была гладкой и нежной, несмотря на долгие годы, проведенные в глухих лесах. Несмотря на долгие летá жизни, травница была прелестна и полна желания.

– Я не хочу больше вспоминать об этом, – прошептал эльф. – Я хочу тебя...

Он мягко перевернул под себя Айлу. И на бесконечно долгое мгновение они слились в едином дыхании.

– Ма-ат... Ма-ат, очнись... Пожалуйста...

Слова доносились издалека, словно из глубокой пещеры. Он почувствовал легкий шлепок по щеке. Совсем легкий – такой шлепок никогда и никого не привел бы в сознание. Смешная девчонка.

– Ма-ат, не покидай меня, – всхлипывала она. – Прошу тебя...

Он ощутил у себя на лице ее дыхание и слезы. Она обняла его, уткнувшись носом в шею. Она была такой теплой, мягкой... живой.

Ему почудился запах моря, свежий ветер. Он видел ее золотистые волосы, словно солнечные блики на воде; глаза цвета бледного нефрита, точно море в ненастье, – большие, полные любопытства и восторга глаза. Она плескалась в волнах и смеялась.

Такой звонкий смех! Такой сильный голос. Как могла она... Он не услышал – увидел, как дрожат ветви деревьев от ее крика; как разлетаются птицы; как падают, хватаясь за головы, солдаты. Этот страшный крик. Нечеловеческий крик.

Его сердце судорожно забилося. Он захрипел, дернулся. Близость Леилэ таинственным образом пугала его и одновременно доставляла удовольствие. Жизненная сила постепенно, словно вода сквозь лед, сквозь боль возвращалась к нему. Стало немного теплее, смертельный холод отступил. Он слабо застонал и приоткрыл глаза.

– Мат! – радостно воскликнула Леилэ.

– Лисенок, – прошептал эльф.

Его голос почти пропал, слово далось невероятным усилием.

– Ты жив! – закричала она. – Ты жив...

Она плакала от счастья и теперь могла бы задушить его в объятиях.

– Жив... – повторил эльф, обнимая ее дрожащими руками.

– Я люблю тебя, Мат, – простонала она, шмыгая носом. – Не оставляй меня никогда, слышишь...

Он слышал, но молчал. Его знобило. Шаткое сознание то и дело норовило покинуть тело. Он молчал, вдыхая ее тепло, словно горький эликсир, возвращающий к жизни.

Все их вещи и провиант пропали вместе с лошадьми. На поиски сил не оставалось, так что в этот вечер им пришлось обойтись без ужина. Леилэ собрала веток и разожгла небольшой костерок.

На севере Энсолорадо лето отступало перед холодным дыханием гор. Ночи становились все морознее. Путники спали, крепко прижавшись друг к другу. А утром Мат Миэ достаточно окреп, чтобы встать на ноги. Он попросил Леилэ самостоятельно разыскать лошадей, а затем объяснил, как найти и его самого.

– Я должен навестить старого друга, – сказал эльф. – Но прежде следует сообщить о тебе...

– Ты точно сможешь добраться туда без моей помощи? – с тревогой спросила девушка.

– Я пойду лисьими тропами, – отрезал эльф. – А ты поскорее найди лошадей, если их еще не сожрали хищники или нечисть...

– Хорошо, – согласилась Леилэ. – Не сомневайся, я справлюсь!

Она все еще ощущала невероятную силу внутри, под кожей. Эта сила вибрировала вместе с током крови, согревала и вселяла уверенность. Несмотря на холод и пронизывающую до костей сырость – на все то, что им пришлось пережить за прошедший день, – сейчас она чувствовала себя превосходно.

Девушка отправилась по следам лошадей. Погода портилась. По лесу стелился жидкий туман. С горного перевала медленно надвигались дождевые тучи.

– Жестоко, Мат, – заметила Айла. – Ты же знаешь, что моя изба стоит на лисьем перекрестке. Простому человеку нас не найти.

– Не веришь мне, – недобро улыбнулся эльф. – Но ты не видела того, что видел я.

– Однако я чувствую ее человеческий дух на тебе, – ответила женщина. – Черный лес – древний. Его населяет множество духов. Девочка могла пробудить криком кого-то из них.

– Может быть, ты и права, Ай...

– И ты оставил ее одну в этом лесу. Одно дело город, другое...

– Она уже не ребенок, Ай...

– Не ребенок...

Травница подложила дров в печь и сладко потянулась. В свете огня нагое тело женщины переливалось медом. Мат нежно провел ладонью по ее бедру. Он соскучился, хотя и не желал себе в этом признаваться.

Последний раз он навещал хозяйку два лета назад. Зима в горах Аркха тогда наступила рано. Снег шел не переставая – перевал завалило, и ему пришлось задержаться до весны. Возможно, он остался бы и дольше, но его ждали учителя.

– Ты хочешь отвести ее к ним?

Мат поморщился. Он не любил, когда она угадывала его мысли.

– Это верное решение, – кивнула Айла. – Им неведомы ни зло, ни добро. Они поступят с ней так, как она того заслуживает. Но, скорее всего, ты ее больше не увидишь. Ты этого хочешь? Верно?

Эльф приподнялся на локтях и слабо улыбнулся. Травница игриво рассмеялась, снова угадав его мысли. И на этот раз он не был против.

Вечерело. Ливня не случилось, вместо него с неба сыпалась мелкая колючая крошка. Ох, не так Леилэ представляла себе первое знакомство со снегом!

Найдя лошадок, девушка нацепила на себя всю теплую одежду, которая у нее осталась. Глупые животные растеряли часть их вещей, в том числе и провизию. Заметно похолодало. У Леилэ так сильно заledenели пальцы, что она даже не смогла вычесать хвойные иглы из волос.

Согревавшее ее утром тепло рассеялось. Уже сутки девушка почти ничего не ела. Эта часть леса была удивительно бесплодной – лишь стена высоких мрачных елей да бескрайние ковры мхов и лишайников поглотили землю и камни. В воздухе пахло грибами, но грибов она не нашла.

Девушка шла вдоль ручья, поднимаясь все выше в горы. Где-то здесь должна была начинаться тропа, о которой ей говорил Мат. Если, конечно, она не лисья. Лисью тропу самостоятельно она бы не нашла. Леилэ все время казалось, что вот-вот, за следующим уступом, она увидит следы. Но сумерки сгущались, и надежда таяла.

Мату нездоровилось. Может быть, он попросту забыл, что Леилэ не видит лисьих путей? Ах, как же ей не хотелось провести ночь в одиночестве, под открытым небом! Лес девушке не

нравился. Она смутно припоминала эхо, которое родилось из ее собственного крика. Это был чужой голос, мрачный и таинственный, словно шедший с того света.

В деревнях это место называли Чернолесьем. Здесь не охотились, не собирали грибов и ягод. Рассказывали, что все, кто отважился зайти в Чернолесье, домой возвращались в виде бестелесных призраков. И только местный жрец Единого с помощью своих аур мог изгнать их обратно в глухие чащобы.

В истории Леилэ не верила. Уже много дней они с Матом беспрепятственно шли вдоль реки. Да и мстителей Чернолесье не больно-то напугало. Однако на всякий случай девушка оставила на ветвях кустарника бусы из бисера, перевязанные красными лентами, – подношение лесной нечисти, которое могло отвлечь ее на некоторое время от одинокой путницы с лошадками.

Чем дальше девушка забиралась в горы, тем тише делалось вокруг и тем упрямее становились лошади. В конце концов совсем стемнело, и Леилэ по-настоящему забеспокоилась. Не мог Мат оставить ее одну в таком месте! Что-то она не разглядела, не поняла.

Девушка остановилась, обняв за шею лошадку. Ей стало немного теплее, но в животе заурчало и взвыло от голода почище самого жуткого призрака.

Леилэ оставила коней у ручья. Она отошла так далеко, чтобы запах животных не перебывал другие ароматы, и, закрыв глаза, принялась. В слабых течениях воздуха она слышала сырую землю, смолистые деревья и хвою... До нее доносилась вонь болота и еще какой-то гнили по другую сторону ручья.

Девушка сосредоточилась на съедобных запахах и вдруг уловила теплое течение с востока. Ветер принес аромат дыма. И, о чудо, Леилэ могла поклясться, что чувствует сладковатый запах отварных грибов, приправленных укропом и душистым перцем! Не веря счастью, девушка вернулась за лошадьми и бодро двинулась, почти побежала в сторону грибного супа.

Через некоторое время деревья расступились, и она вышла на поляну, посреди которой возвышалась изба, огороженная плетеным забором. Насколько можно было различить в тумане и тусклом свете окон, это был добротный, сложенный из массивных бревен дом с высоким крыльцом и тесовой крышей. Позади него темнело еще несколько строений.

Леилэ смело зашла во двор. Ей уже было не важно, та самая это избушка или другая; главное, что из нее доносился пленительный запах похлебки. Промокшая до нитки и стучащая зубами от холода, девушка поднялась по скользкой лестнице и тихонько постучала.

Никто ей не ответил, и тогда Леилэ потянула за ручку. Дверь поддалась. Миновав сени, девушка оказалась в жилой части дома. В просторной комнате она успела заметить печь и стол, а посередине между ними на звериных шкурах – двоих...

Однажды, ожидая учителя, Леилэ долго наблюдала, как играют, кувыркаются и возятся друг с другом пушистые котятки. Зрелище, представшее сейчас у нее перед глазами, было не менее умиротворяющим.

Девушка залилась краской и, шумно выдохнув, развернулась. Однако за дверь не вышла.

– В общем, вы как хотите, – громко заявила она, все еще стоя лицом к выходу, но уже сняв с себя мокрый плащ, курточку и стягивая сапоги, – а я в лес больше не пойду. Там жутко, холодно и дождь. – Леилэ горько вздохнула. – Можете продолжать себе на здоровье... Ну а я тихо посижу у печки, погреюсь. И... я стучалась!

– Что ж, милости прошу, – ответила ей хозяйка.

Впервые в жизни Леилэ оказалась в бане. В избе было темно и очень жарко. Во влажном сумраке клубились облака пара. На полу лежала свежая солома, а на стенах висели букеты трав.

Девушка хорошенько отогрелась, отмылась горячей водой и вычесала из волос мох, веточки и хвойные иглы. Она даже разрешила эльфу отхлестать себя веником, хотя и не до конца понимала назначения этого ритуала. С большим удовольствием Леилэ сама отхлестала

бы Мата за то, что он бросил ее! Но от долгожданного тепла и травяного чая с медом она так расслабилась, что подзабыла обиду на наставника.

Ко всему прочему, Леилэ чувствовала себя неловко. Не оттого, что парились они в чем мать родила, – после такого знакомства это было уже не важно. Да и Мата она не стеснялась, они часто купались вместе. Смущала девушку Айла, ведь по сравнению с пышногрудой травницей она походила скорее на мальчишку.

Хозяйка казалась Леилэ воплощением женственности: округлые, мягкие линии плеч и бедер, плавные движения, убаюкивающий голос. Кроме густой копны темно-серебристых кудрей на голове, на теле травницы почти не было волос. Но особенно Леилэ завидовала ее выразительным бровям. У самой девушки движения были какими-то неловкими и угловатыми, а ее брови походили на две большие гусеницы.

Леилэ заметила, как Мат смотрит на их хозяйку, каким голосом говорит с ней и как украдкой касается ее тела. От всей души она ненавидела эту женщину и в то же время восхищалась ею! Леилэ мечтала, чтобы и на нее кто-нибудь вот так же посмотрел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.